

СЕВЕР

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ (12+)
ДЮЖЕВ НИКОЛАЯ РУБЦОВА **102**

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Юрий (12+)
ЛИННИК ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ (диптих) **127**

Олег «НЕРУКОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИК»
МОШНИКОВ НИКОЛАЯ АБРАМОВА (12+) **229**

АНТОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

Карл (12+)
СУММАНЕН, «ПАПА ВСЕГДА ЖИЛ
Наталья В ДВУХ МИРАХ» (К 85-летию со дня
ЛАЙДИНЕН рождения Тайсто Сумманена) **168**

Елена СТИХИ (К 80-летию карельской
НИКОЛАЕВА поэтессы Елены Николаевой) **186**

МИЛАЯ МАЛАЯ РОДИНА

Юрий (12+)
ДАВЫДОВ,
Юрий
РЫБАКОВ СО СТОЛЕТИЕМ, ЧУПА! **224**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Вениамин СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ (12+)
СЛЕПКОВ ТАТЬЯНЫ КОПЫЛЕНКО **234**
Борис «ОТЧЕСТВОВЕДЕНИЕ», ИЛИ (12+)
ПОДОПРИГОРА ПРИГЛАШЕНИЕ К ДОВЕРИЮ **236**
Олег (12+)
ЦЕЛЕБРОВСКИЙ ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ЭПОХУ **238**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ **240**

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно отражает точку зрения редакции на затронутые темы.

За точность фактов и цифр ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности платить авторский гонорар. Авторам высылаются журналы с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами, произведения которых не будут опубликованы.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При использовании материалов, опубликованных в журнале, просим непременно ссылаться на «СЕВЕР».

Главный редактор **Е.Е. Пиетийainen**

☎ (8142)

гл. редактор **78 47 36**
отв. секретарь **78 47 36**
отделы:
прозы,
поэзии,
публицистики **78 48 05**

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

http://sever-journal.ru

Адрес редакции: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, журнал «Север»

Адрес издательства: **185035, г. Петрозаводск,**

Пушкинская, 13, «Север»



АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Юрий
ДЮЖЕВ
г. Петрозаводск



Доктор филологических наук Ю.И. Дюжев приступил к работе над первым томом «Истории русской поэзии Европейского Севера второй половины XX века», в котором освещаются события литературной жизни 1950–1970-х годов. Вниманию читателей предлагается раздел из рукописи будущей книги, посвященный творчеству Н.А. Рубцова (1936–1971). Публикация приурочена к 80-летию со дня рождения поэта, отмечаемому в 2016 году.

До сих пор загадка кажущегося совершенно неожиданным прорыва Николая Рубцова в 1960-е годы на вершины русской поэзии XX века волнует исследователей творчества поэта и почитателей его таланта. «Сейчас хочется поразмышлять о том, – писал Василий Белов, – как, по каким причинам детдомовский мальчик становился вдруг художником, выразителем народных чаяний, имеющим право создать такую строку: «Россия, Русь! Храни себя, храни...» Казалось бы, война отняла у юного Рубцова право на спокойное детство, на крышу над головой и на хотя бы малую толику родительской нежности. Каким-то чудом он сумел выстоять в борьбе с невзгодами, смог получить образование, раскрыть своё природное дарование и «выразить народную жизнь с вдохновенной силой».

Может быть, Рубцова на поэтическую высоту «вознесло само провидение»? Ведь «поэт заглянул в запредельное, за эти таинственные ворота и, поразившись видению, стал искать и нашел сочетание слов, которыми передал небывалость». Такая точка зрения для писателя из Вологды С.Багрова объяснима. Существует же обоснованное в монографии доктора философских наук Николая Теребихина «Сакральная география Русского Севера» (Архангельск, 1993) такое понятие, как «мистика Севера». По мнению ученого, оно «наиболее полно выражает русскость и особую вселенскость, стремление к целостному постижению мира. Русскому человеку неинтересны частности, клеточки мира. Он хочет понять его целиком. Он одновременно и реалист,

и мистик. Русская ментальность – это мистический реализм».

Термин «мистический реализм» ранее уже использовался А.Белым в работах о символизме и был осмыслен как феномен литературы. К числу ярких представителей мистического реализма Алла Злочевская в статье «Три лика мистического реализма XX в.» относила Г.Гессе, В.Набокова, М.Булгакова. Она объясняла появление такого яркого в эстетико-философском плане явления литературы в искусстве модернизма рубежа XIX – XX веков «оглодотворением» принципов классического реализма прививкой неоромантизма. Это дало, по её мнению, импульс к возрождению людей «художественного двоевластия», соединяющих материальный и трансцендентный уровни бытия. И далее следуют размышления А.Злочевской, которые имеют непосредственное отношение к лирическому герою поэзии Н.Рубцова: «Внутренняя логика мистического реализма предполагает особенного героя – личность, живущую не в реальной «жизни действительной», а на грани «двоемирия», на пороге инобытия и субъективно устремленной в «потусторонность». Всё существование их устремлено в бессмертие. Там – в вечности, в искусстве по ту сторону видимости, там их родина, туда устремляет их сердце. А единственный вожатый в земной жизни – «тоска по дому». Все они противостоят окружающему миру пошлости, усредненности, посредственности. Одиночество во враждебном мещанском окружении, а в конце эшафот – этот путь предрезан «яркой личности». Ибо им не пристало жить в мире, где правят здравый смысл, демократия и мещанская образованность».

В свете сказанного о «мистическом реализме» и его герое понятной становится позиция В.Кожина, который опровергал определение поэзии Николая Рубцова как «деревенской» и писал, что зрелым стихам поэта свойственна необычайная сложность поэтического мира: «Сложность эта особенно велика потому, что она залегает в самой глубине и воплощает в себе не изощренность поэтического мира, но внутреннюю сложность самого бытия (точнее, со-бытия) человека и мира». Поэтому лучшие стихи Н.Рубцова «выражают то, что невыразимо ни зримым образом, ни словом в его собственном значении». По мнению критика, «Николай Рубцов одерживает безусловную победу там, где его слово не изображает мир (и в то же время вовсе не уходит в субъективность души), а в самом деле живет им, преодолевая границу между миром и человеческой душой».

По сути, в этом высказывании речь идет о том, что лирический герой Н.Рубцова жил «на грани «двоемирия», на пороге инобытия», отсюда не-

возможность исследователей его поэзии «выразить то, что невыразимо ни зримым образом, ни словом в его собственном значении». Но ведь были какие-то причины и обстоятельство, которые со временем заставили поэта устремиться от реальной «жизни действительной» – в вечность, к искусству «по ту сторону видимости». «Среди малознакомых людей я привык называть себя «одиноким», – писал в конце 1968 года Н.Рубцов, и это одиночество с каждым годом всё более усиливалось, соединяясь странным образом с жадной бессмертия, с тоской о бескорыстном братолюбии и тщетой усилий обрести гармонию.

Попытки мемуаристов найти причину всех бед поэта в житейских неурядицах детства и юности, по причине которых и могли в стихах Н.Рубцова появиться сомнения в разумности устройства жизни и способности человека понять самого себя, не дают результата. Намного позднее в стихах Н.Рубцова возникла чисто метафизическая тоска от пустоты бытия, от печали по ушедшим поколениям и временам, от несовершенства природы человека, склонного к злу и разрушению (в том числе и себя как личности) в силу своего несовершенства. К тому же в рассказе о событиях личной жизни Н.Рубцова не любил расставлять все точки. По воспоминаниям В.Белова, «Н.Рубцов почти не рассказывал о своём детстве. Он стыдился сиротства, словно это была только его личная беда, а не беда всей страны. Виною всему была война».

Но родившемуся 3 января 1936 года в селе Емецке Холмогорского района Северного края (ныне – Архангельской области) Николаю Рубцову еще предстояло до начала войны прожить пять с половиной лет, а именно в этот промежуток времени ребенок учится оценивать свои поступки, проявлять чувство справедливости и сопереживания, делать успехи в контроле собственного поведения. При этом очень важна семейная атмосфера, а она у Рубцовых была обычной для тех лет. Отец, Михаил Андрианович, член партии, работал начальником отдела рабочего снабжения местного леспромхоза и достаточно зарабатывал, чтобы содержать жену и пятерых детей. В момент рождения сына ему было тридцать шесть лет. Со свойственной северянам добротой ему нравилось принимать гостей и весело проводить праздники. Судя по сохранившимся фотографиям, он любил носить русские косоворотки, но если требовалось, надевал костюм с белой рубашкой и галстуком. И хотя Н.Коняев в книге «Николай Рубцов» (М., 2001) пишет, что с довоенной фотографии Михаил Андрианович своим взглядом «пронзает насквозь» так, что «чувствуются

твердость и преданность генеральной линии партии», это выглядит попыткой политизировать события давних лет. Для маленького Коли Рубцова отец в довоенные годы был непререкаемым авторитетом.

«Всё, что было в детстве, я лучше помню, чем то, что было день назад», – писал Н.Рубцов в заметках «Коротко о себе». Село Емецк находилось на левом берегу живописной реки Емца, вело свою родословную с 1137 года. Двухэтажный дом, в котором Рубцовы занимали две комнаты, ещё был крепким и красивым, хотя не имел ни водопровода, ни отопления (в 2013 г. он был включен в число аварийных и подлежащих расселению жильцов. – Ю.Д.). Часто мать рано утром топила печки, от которых шло блаженное тепло. С той поры Н.Рубцов «очень полюбил топить печку по вечерам в темной комнате». Вероятно, в такие минуты поэт вспоминал раннее детство, когда русская печь объединяла многодетную семью своим теплом. Хорошо было маленькому Коле в этом селе, где он сделал первые шаги по северной земле, увидел красоту лесов и лугов, навсегда проникшую в его душу, полюбил речные просторы. Жило тогда в селе немногим более тысячи человек. Была и своя достопримечательность – Богоявленско-Покровская церковь. Построенная в XVIII веке, она в своё время имела четырехъярусную колокольню высотой почти 60 метров, которая была самым высоким сооружением Архангельской губернии. Но в 1930 году с церкви были сорваны шпиль, кресты, купола, разграблены иконостас и ризница, и к моменту рождения Н.Рубцова в ней поочередно располагались кинотеатр, общежитие, магазин, склады, а затем, вплоть до 2011 года – пекарня. Его мать и хотела бы, пусть втайне от отца, окрестит маленького Колю и тем самым духовно оградит его от бед и несчастий, но в округе не было к 1936 году ни одной действующей церкви и ни одного живого священника, готового провести такой обряд. Так и остался Н.Рубцов некрещеным до конца жизни, что, по поверьям, является далеко не благом для уроженца православной Руси.

В Емецке семья прожила полтора года. В 1937 году, после упразднения Северного края и образования Архангельской и Вологодской областей, возник дефицит руководящих кадров на местах, и Михаила Андриановича направили на работу в Няндому, вошедшую в Архангельскую область, а в 1939 году получившую статус города. Няндомка находилась на берегу одноименной реки в 347 километрах от Архангельска, так что климат для здоровья детей был более благоприятен. Город

прилегал к железнодорожной линии, соединявшей Архангельск с Вологдой. Градообразующим предприятием было крупное локомотивное депо. Город активно развивался, и для отца семейства это было повышением по службе, чем гордилась вся семья. Михаил Андрианович был назначен начальником отдела кадров райтрансторгпита Няндомского леспромхоза, но кому-то из его сослуживцев это не понравилось. В январе 1938 года на М.А.Рубцова поступило заявление (донос), он был арестован и по март 1939 года был заключенным в Архангельской тюрьме №1. На 18-м съезде ВКП (б) в марте 1939 года было принято постановление о прекращении чисток в партии. В результате обращения на имя съезда М.А.Рубцов был реабилитирован и восстановлен в партии. Это могло быть только в случае признания заявления как доноса. Поэтому подозрение Н. Коняева, что М.А.Рубцов «был арестован не за «политику», не как враг народа, а по уголовной статье, связанной с растратой»¹, не выглядит оправданным. Его можно объяснить только тем, что автор не мог знать, что в Государственном архиве Вологодской области хранится бланк члена КПСС, заполненный при обмене партийных документов в 1954 году, а также учетная карточка члена КПСС М.А.Рубцова. Сведения из этих документов были опубликованы газетой «Тотемские вести» (№166-167 от 30.12.2004 г., №4 от 18.01.2005 г.) и позднее появились в Интернете.

Арест и годичное отсутствие кормильца явились для семьи огромным испытанием, но они лишь подтвердили крепость семейных уз. После возвращения из тюрьмы в марте 1939 года М.А.Рубцов был назначен инструктором-ревизором Няндомского райпотребсоюза. Вышедшая с честью из испытаний семья Рубцовых обрела новых друзей. Зная Рубцовых с 1939 года жительница Няндомы Ирина Федорова вспоминала:

«Мне 10 лет. 1 сентября в наш 3-й класс Няндомской школы имени А.С.Пушкина пришла новенькая – темноволосая худенькая девочка Галя Рубцова. Семья Рубцовых приехала в Няндому из Емецка. Мать, Александра Михайловна, была домохозяйкой. Это были очень хорошие, гостеприимные, добрые люди. Семья состояла из пяти человек. Старшая дочь Надя пошла учиться в 9-й класс, маленькому Коленьке было 3 годика. Семья Рубцовых поселилась в уютном домике на улице Советской, возле городского ресторана. Домик стоял под столетними березами. А потом Рубцовы переехали в дом, где в 1950–60-е годы располагался паспортный отдел милиции. С Галей я и моя двоюродная сестра Зина Федорова подружились

и всё свободное время проводили у Рубцовых. Играли с Колей, нянчились с ним, гуляли на улице. Очень полюбили малыша. Это был темноволосый, худенький мальчик, очень застенчивый».

Для Н.Рубцова сформировавшаяся к трем годам застенчивость имела свои последствия. Когда он повзрослел, она мешала ему в общении, в расширении круга новых знакомых. Он не любил участвовать в многолюдных мероприятиях и получать удовольствие от общения с его участниками. Застенчивость вела к одиночеству, депрессивному настроению, постоянной тревожности. Чтобы скрыть своё смущение, Н.Рубцов вдруг начинал вести себя напористо, неадекватно оценивал агрессивность своего поведения. В то же время застенчивость позволяла Н.Рубцову сохранить свой внутренний мир, индивидуальность и самобытность. По наблюдению психологов, такие погруженные в себя люди (застенчивостью отличались Н.В.Гоголь, А.П.Чехов, М.Ю.Лермонтов) часто обладают высокими творческими способностями. Поиск своего пути в жизни толкает их на выражение чувств и эмоций в стихах и прозе.

При благоприятных условиях жизни, внимательном отношении к нему отца и матери Н.Рубцов постепенно преодолел бы врожденную застенчивость, но судьба уже распростерла свои черные крылья над его близкими. 30 апреля 1940 года умерла старшая сестра Надежда, которая начала работать и помогать родителям в содержании и воспитании младших детей. В январе 1941 года семья переехала в Вологду, где Михаил Андрианович стал работать снабженцем в военторге и где Рубцовы встретили известие о начале войны. В конце 1941 года в семье родилась девочка, которую в честь умершей сестры называли Надеждой. В начале 1942 года Михаил Андрианович проходит военную подготовку и летом того же года его забирают на фронт. В июне 1942 года умирает мать семейства Александра Михайловна. Старшую дочь, Галину, берет к себе сестра отца Софья. Младших детей пристраивают в детские дома Вологодской области.

Столь трагическая череда событий (смерть двух сестер и матери, прощание с ушедшим воевать отцом, вынужденное сиротство и отправка в детский дом) могли бы разрушить психику любого ребенка. Чтобы спасти маленького человека, природа в таких случаях упрямывает трагические переживания в глубины подсознания, словно вычеркивая их из памяти ребенка. Так и у Рубцова об этих событиях 1940–1942 годов остались лишь некие вспышки эмоций, которые позднее он запечатлел в стихотворении «Детство»:

*Откуда только – как из-под земли! –
Взялись в жилье и сумерки, и сырость...
Но вот однажды всё переменилось:
За мной пришли, куда-то повезли.
Я смутно помню позднюю реку.
Огни на ней, и скрип, и плеск парома,
И крик: «Скорей!» Потом раскаты грома,
И дождь... Потом... детдом на берегу.*

Вместе с младшим братом Борисом Николай оказывается в селе Красково, в дошкольном детском доме. Шестилетний малыш, внезапно ставший сиротой, охвачен отчаянием. Его маленькая душа терзается от одиночества, бесприютности и беззащитности. Но это только начало его печальной судьбы и скитаний по Руси. После расформирования Красковского детского дома Николая разлучают с Борисом и отправляют 20 октября 1943 года в Никольский детский дом под Тотьмой. Он еще несколько лет ожидает хоть какой-то весточки от отца и ждёт его появления на пороге комнаты, мысленно представляя, как он будет счастлив в эту минуту. Но постепенно эти ожидания угасают, и он начинает привыкать к мысли, что отец погиб в боях. Он не знает, что в 1944 году после двух лет участия в боях Михаил Андрианович был ранен, попал в госпиталь в Вологду. Нашел всех детей, кроме Коли. Его документы были потеряны и не обнаружены в Красковском детском доме. В 1944 году М.А.Рубцов женился, и в новой семье родились три сына.

По данным учетной карточки члена КПСС М.А.Рубцова, хранящейся в ГАВО, он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1944–45 гг.». С декабря 1951 года работал в Вологде завтранспортом пивзавода. С июля 1952 года заведовал пекарней отделения Северной железной дороги. 18 марта 1953 года получил строгий партийный выговор за выпивку в рабочее время. Был снят с должности и с мая 1953 года работал плотником в 7-м отделении Северной железной дороги. 28 августа 1953 года ему вынесли строгий выговор за пьянку и прогул в течение четырех дней. Когда в конце февраля – начале марта 1955 года отец и сын встретились после 13-летней разлуки, М.А.Рубцов не мог материально помочь своему сыну, он сам нуждался в помощи. В ноябре 1959 года М.А.Рубцов был переведен с должности плотника на пенсию (при наличии трех несовершеннолетних детей) и умер в Вологде 22 сентября 1962 года, когда Н.Рубцов учился в Литературном институте. О судьбе отца Рубцов узнал не сразу, но он так привык к мысли о его героической гибели на фронте, что даже в 1957 году в стихотворении «Березы» писал: «На войне отца убила пуля».

Рано пришедшее осознание своего сиротства, потеря родителей стали для оказавшегося в детском доме впечатлительного и застенчивого мальчика настоящей трагедией, ведь потребность иметь семью, отца и мать – это одна из сильнейших потребностей ребенка. Вспоминая «хрупкого мальчика с бездонными черными глазами», бывший воспитатель Александра Ивановна Корюкина говорила, что «он был очень ласков и легкораним». Будучи Козерогом по гороскопу, мальчик был честен и справедлив, верен и надежен в дружбе. Он входил в состав совета пионерской организации; учился на «хорошо» и «отлично», писал для стенной газеты стихи, играл на устраиваемых детдомовцами концертах на гармошке. Хотя ростом он был меньше своих сверстников, пользовался уважением и был заводилой среди мальчишек. И в то же время, по признанию учившейся вместе с Н.Рубцовым с первого по седьмой класс Евгении Буняк, «был неровным по характеру: то тихим, задумчивым, скромным, то дерзким, колючим». В те годы немногие могли представить скрытые в этом мальчике глубины. При всей заинтересованности жизнью коллектива детдома он был слишком независим, чтобы открывать свои истинные чувства и переживания. Никто не догадывался о его первой любви к девочке Тоне Швелёвой, пока однажды не застали их на чердаке, где, сидя на приготовленных для просушки вениках, они о чем-то тихо и мирно беседовали. Жизнь научила маленького Колю быть недоверчивым, скрытным, в любой ситуации сохранять чувство собственного достоинства и ставить перед собой высокую планку в жизненных планах. Когда в детском доме решили поставить спектакль о Пушкине-лицейсте, Н.Рубцов «попросил завить ему волосы, чтобы стать кучерявым» и тем самым хоть немного походить на юного поэта. Мальчик любил читать книги, в поисках которых он перерыл не только небольшую библиотеку детского дома, но и брал книги на квартире у А.И.Корюкиной в деревне Пузовка.

На живущих в детдоме юный Коля Рубцов производил впечатление земного, житейского человека. Часто его можно было видеть у детдомовской лошади, которую он гладил и кормил из рук травой и которую в двенадцать лет научился запрягать и ездить на ней верхом на водопой. Вместе со всеми ухаживал за содержавшимися в детдоме коровами, свиньями, пчелами, осенью собирал урожай с полей, который был важной прибавкой в питании осиротевших ребят. Но он не был так прост, как казалось окружающим. «Старался быть первым во всём», – вспоминала учительница грамматики Александра Меньшикова. Им с детства двигало стремление к успеху, жела-

ние выйти победителем над многочисленными проблемами, которые ставила перед сиротой жизнь. С третьего класса он стал писать стихи, что сразу выделило его из толпы ровесников. Самостоятельно научился играть на гармонии и стал незаменим на вечеринках старшеклассников. Лучше других освоил навыки рисования, обладал врожденным чувством вкуса при оценке цветовой палитры даримых букетов. Именно его учительница просила декламировать перед классом заданные на дом стихи Пушкина. Ему часто мешало дурное настроение, но в детском доме он ещё обладал способностью дисциплинировать себя.

Можно с большой долей уверенности сказать, что к моменту окончания седьмого (выпускного для сельской школы) класса Н.Рубцов уже знал, что его отец жив и что он по каким-то соображениям не может принять его. Это известие могли передать юному Коле и жившие в Вологде родственники, и представители дирекции детского дома, которым надо было куда-то определить подростка и которые через военкомат могли легко найти координаты М.А.Рубцова и предложить каким-то образом решить судьбу его сына. Но ответа они не дождались. Сам же Коля Рубцов уже в четырнадцать лет был слишком горд и независим, чтобы в этой ситуации пойти на контакт с отцом и простить такое к себе отношение. Между тем оставаться в детском доме – по возрасту – уже было нельзя. Николаю предлагали пойти учиться в Тотемский лесотехнический техникум, где было общежитие и куда обычно направляли большинство выпускников детского дома. Но это его не устраивало. Одной из любимых книг Николая был приключенческий роман Р.Стивенсона «Остров сокровищ», и под влиянием «пиратской» экзотики он решил поступать в Рижское мореходное училище. В детском доме даже не попытались связаться с Ригой и узнать условия поступления, настолько были уверены, что лучшего ученика школы с аттестатом наполовину из отличных оценок, да ещё сироту, туда обязательно примут.

«Мечты, мечты... А в жизни всё иначе», – писал позднее Н.Рубцов в стихотворении «Не подберу сейчас такого слова». Когда летом 1950 года он с самодельным чемоданом, который вместо замка закрывался гвоздиком и в котором лежали двенадцать вышитых девочками детдома носовых платков, явился в приемную комиссию, то получил отказ даже рассматривать его документы по причине возраста (в училище принимали с пятнадцати лет). Возвращаться домой ни с чем было стыдно и горько. Он сделал попытку устроиться на какое-нибудь судно, лишь бы не увидеть глаз разочаровавшихся в нём сверстников:

добыть себе счастье, если у него для этого достаточно духа и воли».

Характер у подростка был сильный, но для работы на Крайнем Севере в условиях большой влажности и холода требовались ещё выносливость и крепкое здоровье. Однако война так выкосила мужское население Севера, что худенького подростка, от которого после жизни при карточной системе остались, как говорят в народе, «одни кости да кожа», все-таки взяли помощником кочегара («угольщиком») на рыболовецкий траулер. В течение десяти месяцев, с сентября 1952 года по июль 1953 года, Николай смог узнать на своей шкуре, что «жизнь – это суровая проза, вечная борьба».

Когда же траулер причаливал к пирсу, то получивших деньги матросов встречала на берегу «избушка под названием пивная»:

*Я сел за стол –
И грянули стаканы!
И в поздний час
Над матушкой Двиной
На четвереньках,
Словно тараканы,
Мы расплзлись
Тихонько из пивной...*

Вспоминая об этом случае, Н.Рубцов признается, что тогда, в свои шестнадцать лет, он «первый раз вошел сюда, безгрешный» и после застолья:

*Очнулся я,
Как после преступления,
С такой тревогой,
Будто бы вчера
Кидал в кого-то
Кружки и поленья
И мне в тюрьму
Готовиться пора.*

Такого же рода «экзамены» на выживаемость приходилось сдавать и другим выпускникам детских домов. В 1950-е годы в нашей стране было 6943 детских дома, где жили 935, 9 тысячи человек. Причиной сиротства были последствия голода, охватившего в 1946 году ряд регионов страны; отмена права матерям-одиночкам, начиная с 1944 года, требовать алименты с мужчин, являвшихся отцами их детей; наконец, разрушение крестьянского общинного быта, когда, начиная с Древней Руси, в деревнях существовали различные формы призрения сирот: «кормление по дворам», назначение общественных родителей и т.д.

Именно в 1950-е годы впервые возник термин «социальное сиротство», когда сиротами считались воспитанники детских домов, у которых были живы один или два родителя. Отпущенные на «вольную» жизнь воспитанники детских домов с трудом адаптировались к жизни. Что говорить, если даже в 2010 году доля выпускников, покинувших детские дома или интернаты, которым удалось наладить нормальную жизнь, составляла 20 процентов. По тем же данным, 40 процентов становились алкоголиками и наркоманами, ещё сорок процентов совершали преступления. Часть ребят сами становились жертвами криминала, а десять процентов кончали жизнь самоубийством.

Не смог приспособиться к «взрослой» жизни на рыболовецком траулере и Н.Рубцов. В самый разгар навигации, в июле 1953 года, он уволился и поехал в Кировск Мурманской области, где год проучился в горно-химическом техникуме на маркшейдерском отделении. Однако чем глубже он вникал в секреты своей будущей профессии, тем сильнее понимал, что вести учет выемки полезных ископаемых из недр и выполнять геодезические работы – это не для него. Он оставил учебу в техникуме и оставшийся до армии год жизни посвятил поиску ответа на вечный для русского человека вопрос – «кому на Руси жить хорошо?». Его бесконечные метания по стране начались с кратковременного посещения Тотьмы, где он повстречался с Т. Решетовой и, поссорившись с ней, ринулся в Ташкент – «город хлебный», что было важно в канун предстоящей зимы и полного безденежья. С собой он взял гармошку, и добрые попутчики кормили и поили его за исполняемые во время дальней дороги весёлые песни.

Увиденный Н.Рубцовым Ташкент оказался в основном одноэтажным городом. В попытке найти себе какое-то жилье северянин бродил по коммунальным дворам с одной колонкой, из которой вода вытекала в арык, и общей выгребной ямой в глубине двора, а вдоль него одна к другой были прилеплены хибары и каморки. Во дворах росли деревья – урючины, сбор урожая с которых жители двора начинали сообщать и затем тут же во дворе варили варенье. Было жарко и душно. Иногда навстречу попадались верблюды с погонщиками. Вода в арыке была мутной и неприятно пахла. Всё кругом для Николая было странным и чужим. Найти заработок здесь оказалось намного труднее, чем на Севере. Позднее он вспоминал:

*Жизнь меня по северу носила
И по рынкам знойного Чор-су.*

Судя по всему, именно на старинном ташкентском базаре, известном как Чорсу (Чорсу – четыре дороги либо четыре потока), расположенном в старом городе на пересечении четырех улиц, только и смог найти себе заработок Н.Рубцов. На рынке рядом с продуктовыми рядами располагались торговцы ремесленными поделками, работали бани, чайханы, шумел вещевой рынок, где всегда было многолюдно.

Но что-то неуловимо изменилось после смерти Сталина и в настроениях местных жителей по отношению к приезжим. Когда-то в годы войны в Узбекистане нашли приют 200 тысяч эвакуированных детей и подростков. Практически в каждом населенном пункте появился свой детский дом, обеспечение которого продуктами закреплялось за одним из местных колхозов. Узбеки жертвовали для детдомовцев деньги, одежду, муку. Многие усыновляли сирот, а одна семья стала знаменитой тем, что усыновила сразу одиннадцать ребятишек. Но прошло десятилетие, детские дома стали в массовом порядке закрываться, и многие выпускники оказались не у дел. Резко уменьшилось число желающих их усыновить. В итоге в Ташкенте возросло число малолетних бродяг, сбивавшихся в стаи и добывавших себе пропитание незаконными способами. Всё усугубилось амнистией 1953 года, по которой освобождались все лица, осужденные на срок до пяти лет. Многие из них тоже устремились в «Ташкент – город хлебный», так что осенью 1954 года Н.Рубцов после напрасных поисков работы и жилья оказался на рынке Чорсу на самом дне жизни, в страшноватой для него среде беспризорников и бывших эзков. Написанное в январе 1955 года стихотворение «Уж сколько лет слоняюсь по планете...» дает зримое представление о той степени отчаяния, которое охватывало юношу на чужбине:

*Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет...
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто неразлично,
И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?*

Как напоминание об испытанном и пережитом юношей в те годы выглядит изображенная его другом Валентином Сафоновым сценка из повести «Николай Рубцов». Речь в ней идет о встрече В.Сафонова, Ю.Кушака и Н.Рубцова мурманским вечером с хмельной ватагой, «особей этак шесть или

семь. Матерятся, кулаками стучат. Запахло мордобоем. Мы с Юркой опустили ведра, готовые защищаться, а Коля проворно нагнулся и схватил с земли ребристый булыжник.

– Не подходи! – выкрикнул с искаженным лицом.

Ватага покружилась вокруг нас и, матерясь, уступила дорогу.

– Колька, – сказал я Рубцову, – ты же противник всякого насилия, а тут... за камень сразу.

Он внимательно посмотрел на меня: не смеюсь ли я? И очень серьезно ответил:

– Я же детдомовский. Меня часто били. Может, вовсе убили б, да вот... приходилось иногда.

...Впервые увидел я Рубцова, готового переступить черту...»

Со своего сиротского детства Н.Рубцов нес в себе скрытую внутреннюю боль, которая жила в нём и губила его при открытом столкновении с реальностью. Тягостные испытания, выпавшие на долю Н.Рубцова в Чорсу, предельно обострили его чувства. Он оказался в загадочном и безжалостном мире, стал свидетелем невыносимых порой страданий тех, кто попал на Востоке на самое «дно» жизни. В процитированном выше стихотворении «Уж сколько лет слоняюсь по планете!» он спрашивает себя, неужели стоило «пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться / среди других глупцом и ...умереть?». В Ташкенте в 1954 году Н.Рубцов пишет стихотворение «Да, я умру!», в котором рисует охватившее его душу видение своих похорон вдали от родины:

*А на что мне хороший гроб-то?
Зарывайте меня хоть как!
Жалкий след мой
Будет затоптан
Башмаками других бродяг.*

Прочитовав пять четверостиший этого обычно замалчивавшегося исследователями поэзии Рубцова стихотворения, Н.Коняев делает вывод, что «впервые в этом стихотворении обращается Рубцов к теме смерти, ставшей в дальнейшем одной из главных в его творчестве». Между тем сам Н.Рубцов писал о своей поэзии: «Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и удалы», где жизнь и смерть соединены воедино, а главным объектом для поэта становится Родина, Россия как некая философско-мистическая и метафизическая реалья. О таком понимании философского подтекста русской поэзии говорил писатель и философ Ю.В. Мамлеев в интервью редакции журнала «Вопросы философии» в 1992 году: «Русскую философию я больше чувствую через литературу, напри-

мер через поэзию Блока, Белого, Тютчева, Есенина». Можно полагать, что к своим 18 годам такой любитель чтения, как Н.Рубцов, уже познакомился с творчеством этой четверки русских поэтов. Кумирами среди них, как он признавался впоследствии, стали С.Есенин и Ф.Тютчев. Первый из них поразил Н.Рубцова «открывающейся в слове и образе доселе скрытой внутренней силой русской мистики», второй – истинно метафизической тоской от неопределенности места и роли человека в мироустройстве, от тщеты усилий обрести гармонию, от ужаса перед хаосом первозданной темной стихии, наедине с которой человек остается ночью:

*О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги, –
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..
Так ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов⁴.*

В юности на Н.Рубцова огромное впечатление произвела поэзия С.Есенина. Порой молодому северянину казалось, что это к нему обращается С.Есенин в стихотворении «Русь бесприютная»: ⁴

*Я тоже рос,
Несчастный и худой,
Средь жидких,
Тягостных рассветов.
Но если б встали все
Мальчишки чередой,
То были б тысячи
Прекраснейших поэтов.*

Одним из немногих «несчастливых и худых» сирот и послевоенных беспризорников, кто сумел встать на ноги, найти достойное место в стране Поэзии, оказался Н.Рубцов. Но для этого ему надо было понять в Чорсу глубоко и навсегда, что «самое страшное для человека – это потерять Родину⁵».

Уже в марте 1955 года Н.Рубцов оказывается в Вологде и встречается с отцом и жившим в тот момент в его доме братом Альбертом. Отец отказывается прописать Николая у себя, ссылаясь на бедность, слабое здоровье и троих детей от второго брака. Н.Рубцов выслушивает отца спокойно, без обиды. Позднее в «Философских стихах» он нарисует портрет человека, когда-то жившего «в лучах довольства полного и славы», на поводу «страстей своей души» и боявшегося разве что «буйного похмелья». Но вот пришла к нему старость:

*Он слёзы льёт, он требует участия,
Но поздно понял, важный человек,
Что создал в жизни
ложный облик счастья!*

Юноша не хочет повторять ошибки отца, в конце жизни ставшего алкоголиком и неудачником, и дает обещание:

*Что я не буду с девушками грубым
И пьянствовать не стану, как отец.*

Н.Рубцов уезжает в посёлок Приютино (ныне в составе города Всеволожска Ленинградской области), устраивается слесарем-сборщиком на испытательный артиллерийский полигон, а осенью 1955 года получает повестку из военкомата и отправляется служить дальномерщиком на один из эсминцев Северного флота. Служба не тяготит Н.Рубцова. Он быстро осваивает свою профессию, обретает на корабле друзей. Регулярное питание и строгий распорядок дня укрепляют его здоровье. На фотографиях тех лет он выглядит человеком здоровым и энергичным. Оптимизмом веет от стихотворения «Мое море», опубликованного в газете «Комсомолец Заполярья» 20 ноября 1957 года:

*Я труду научился на флоте,
И теперь на любом берегу
Без большого размаха в работе
Я, наверное, жить не смогу...*

Н.Рубцова принимают в члены флотского литературного объединения при газете «На страже Заполярья». В 21 год Н.Рубцов впервые оказался среди пишущей братии, но не растерялся, быстро усвоил законы творческого общения. «В те годы флотской нашей юности Рубцов был очень общительным человеком, – вспоминал Валентин Сафонов. – С отчаянной смелостью врвался в любой разговор о литературе, тем паче о поэзии. Если сам читал стихи или вслух размышлял о чьих-то, тут Колю слушать не переслушать». После того как стихи Н.Рубцова начали печататься в мурманских газетах и сборниках, он стал всё чаще задумываться о возможности после демобилизации соединить свою судьбу с литературой. В.Сафонов передал Н.Рубцову присланный родными двухтомник стихов С.Есенина и по радостной реакции друга понял, что к Есенину у Рубцова «отношение особенное». «Невозможно забыть мне ничего, что касается Есенина, – писал 2 февраля 1959 года

Н.Рубцов В.Сафонову. – О нём всегда я думаю больше, чем о ком-либо. И всегда поражаюсь необыкновенной силе его стихов. Многие поэты, когда берут не фальшивые ноты, способны вызывать резонанс соответствующей душевной струны у человека. А он, Сергей Есенин, вызывает звучание целого оркестра чувств, музыка которого, очевидно, может сопровождать человека в течение всей жизни. Во мне полнокровной жизнью живут очень многие его стихи».

Если использовать сравнение поэзии С.Есенина со звучанием «оркестра чувств», то приходится сказать, что в опубликованных Н.Рубцовым во время флотской службы стихах звуки духового оркестра заметно подавляют лирическое звучание скрипок. К ранним стихам Н.Рубцова мурманский писатель В.Сорокажердьеv советует относиться «именно как к начальному пути стихотворца, как к ученическому периоду творчества».

Лирический герой пяти стихотворений Н.Рубцова («Пой, товарищ...», «Матери», «Май пришел», «Отпускное», «Северная береза») из коллективного сборника поэтов Северного флота «На страже Родины любимой» (1958) «с законной гордостью во взоре» вспоминает «схватки с морем штормовым». Он гордится, «что в краю, не знающем печали, / где плывут поля во все концы, / нам охрану счастья доверяли / наши сестры, матери, отцы». Такого рода стихотворения мало чем отличались от других, сочиненных менее даровитыми авторами на «морскую» тему.

Н.Рубцов рано понял, что и в каком духе надо писать «для газеты». В письме В.Елесину от 24 октября 1965 года он, предлагая к публикации одно из своих стихотворений, цитировал строку «Склоню ли голову, слагая о жизни грустные стихи» и писал далее: «Если вашу газету не устроит слово «грустные», можно заменить его другим. Это сделать легко, хотя никакое другое слово, никакой другой эпитет здесь не будет точнее и лучше. Ещё в этом же стихотворении есть строчки: «Нет, не найдет успокоенья мой беспокойный бодрый дух!» Это вариант для газеты. Но, может быть, газета примет и другой вариант этих строчек: «Нет, не найдет успокоенья во мне живущий адский дух!»

О том, что Н.Рубцов с иронией относился к «бодрому духу» предназначенных для газетных публикаций произведений, свидетельствует стихотворение «Сказка-сказочка» (1960). Сюжет его строится на фантастической истории встречи поэта с «каким-то бесом», который вначале перебил в комнатухе все стоявшие на полу пустые бутылки, потом взлетел на полку книг:

*Уткнулся бес в какой-то бред
И вдруг завыл: – О, божья мать!
Я вижу лишь лицо газет,
А лиц поэтов не видеть...*

В письме Александру Яшину от 22 августа 1964 года, касаясь «удивительно неуклюжих, пустяковых «современных» стихов, Н.Рубцов писал: «Уж сколько раз твердили миру, что мы молотобойцы, градостроители и т.п., всё твердят, твердят! А где лиризм, естественность, звучность? Иначе, где поэзия?»

С первых своих шагов в литературе Н.Рубцов мечтал иметь своё «лицо поэта». Датированное 1950 годом и написанное в селе Никольском Вологодской области стихотворение «Два пути» дает понять, что будущему поэту всегда хотелось свернуть с многолюдного тракта в сторону от толпы:¹

*А от тракта, в сторону далеко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечёт меня туда.*

По-видимому, уже с детства Н.Рубцов стал ощущать себя «белой вороной», не таким, как все, более зорко и пронизательно понимавшим жизнь. При этом он постоянно встречался с отчуждением и непониманием окружающих. Впоследствии в воспоминаниях многие его современники говорили о некоторой странности поэта, мысли и поведение которого разительно отличались от окружающих. «Это был человек необычного склада, со своим особым внутренним миром, – вспоминал учившийся вместе с Н.Рубцовым в Литературном институте Б.Шишаев. – В нем чувствовалась какая-то необыкновенная добрая глубина... Меня всегда преследовала мысль, что приехал Рубцов откуда-то из неуютных мест своего одиночества... Он казался бесконечно далеким от стремлений людей, находившихся рядом. Даже его скромная одежда, шарф, перекинутый через плечо, как бы подчеркивали это».

Написанное Н.Рубцовым задолго до пришедшей к нему известности стихотворение «Деревенские ночи» (1953) удивляет своей изобразительной силой и неистовым желанием хотя бы на мгновение уйти из мира людей туда, «где ранних звезд мерцание, ржание стреноженных молодых коней». Но лирическому герою мало раствориться в мире природы. Простое созерцание не даст ему «успокоенья», не освобождает от поселившегося в нём «адского духа»:

*К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я.
Самого горячего
выберу коня.*

И вот уже «по травам скошенным» мчится лирический герой, да так, что «ромашки встречные» сторонятся конских копыт, а «вздогнувшие ивы брызгают росой». В этом раннем стихотворении, написанном 17-летней юношей, уже чувствуется огромный запас поэтической энергии, рождающейся на столкновении двух противоположных начал: стремления к одиночеству в тиши лесов и полей – и сжигающего душу желания к настоящей жизни, наполненной в заветных мечтах юноши жадными, мучительными, страстными исканиями, которые рождены, как Н.Рубцов писал в процитированном выше письме В.Елесину, «во мне живущим адским духом».

Между тем мир, окружавший Н.Рубцова с самого рождения, постоянно ставил запреты и ограничения, укрощал его, принуждал смириться, признать превосходство других, более сильных, напоминал, что жизнь – это прежде всего обязанности, зависимость, гнёт дисциплины. Казалось бы, в поэзии Н.Рубцов мог освободиться от бремени власти, от всех помех и ограничений, но и это выглядело во время службы во флоте иллюзией. Однажды, будучи в гостях у Н.Рубцова, С.Багров среди его хранившихся в чемодане бумаг разглядел угол какой-то морской газеты. «Взял её и только успел развернуть и прочесть «Стихи Николая Рубцова», как услышал:

– Не тронь! Это худые стихи. Я писал их во время службы на корабле. До сих пор не пойму, почему я их сохранил?

Николай схватил у меня газету, с удовольствием смял и, открыв дверцу печки-голландки, бросил туда, а потом зажег спичку и подпалил».

Спасением для матроса Н.Рубцова от сочинения стихов с «бодрым духом» было чувство юмора. Даже изнуряющую «шагистику» он умудрялся воспроизвести в «шутке» «На плацу» с озорной удалью:

*Я марширую на плацу.
А снег стекает по лицу!
Я так хочу иметь успех!
Я марширую лучше всех!
Довольны мною все кругом!
Довольны мичман и старпом!
И даже – видно по глазам –
Главкомандующий сам!*

Вошедшее в сборник «Звезда полей» стихотворение «Элегия», датированное 1961 годом В.Кожинным, составителем вышедшей в «Библиотеке советской поэзии» книги «Николай Рубцов. Стихи» (1986), на самом деле тоже было написано в годы матросской службы. Как вспоминал В.Сафонов, «был у нас добрый обычай: каждое занятие литобъединения завершать чтением юмористических стихов, пародий и эпиграмм друг на друга. Вот в такой обстановке и прочел Рубцов стихи, которым в будущем суждено будет стать «Элегией»... После – надолго – первые строки этого стихотворения стали для литобъединения своеобразным паролем».

*Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдохнуть.*

Как вспоминал В.Сафонов, в первом варианте две последних строки читались автором иначе: «В коммунизм – безоблачный зенит улетают мысли отдохнуть». И не было в стихах ни слова о Ялте («Если только буду знаменит, / то поеду в Ялту отдыхать»), а последняя строфа целиком повторяла первую, только глагол «полетели» стоял в настоящем времени. Начатое как шутка, стихотворение продолжилось наполненными печалью строками:

*Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.
Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг –
Жизненный отсчитывает срок.*

Четыре года, отданные флоту в самый активный для любого поэта возраст, безусловно, замедлили творческое развитие Н.Рубцова. Он пока не нашел себя ни в стихах о матросской жизни, где главное – «верить с самого начала, / что из тебя получится моряк!» («Первый поход», 1959), ни в любовной лирике, которой он тоже отдал немало времени и сил, поскольку по природе своей, как и отец, любил женщин и ожидал от них ответных чувств. Стоило красивой медицинской сестре в белом халатике зайти к Н.Рубцову в больничную палату госпиталя, где он был прооперирован во время службы, и с профессиональной нежностью в голосе выразить сочувствие, как тут же рождалось стихотворение «Сестра» с описанием охватившей моряка

надежды на встречу: «Думал я о чуткости / рук, державших шприц, / и не боли – радости / не было границ...» Посылая это стихотворение 29 мая 1959 года В.Сафонову, Н.Рубцов смущенно признавался: «Не подумай, что я влюблен, точнее, не подумай, что только я в неё влюблен. Её любят все за чудесный характер и работу. С ней говорить – то же, что дышать свежим чистым воздухом».

В стихотворении «Минута прощания» духовно-нравственное преображение лирического героя под влиянием женской любви раскрыто с чувством благодарности за исцеление от душевной боли и обретение внутреннего покоя:

*...Уронила шелк волос
Ты на кофту синюю
Пролил тонкий запах роз
Ветер под осиною.
Расплескала в камень струн
Цвета винного волна –
Мне хотелось в поцелуи
Душу выплеснуть до дна.*

Чаще всего тема романтической любви в ранних стихах Н. Рубцова связана с обликом женщин, пробудивших когда-то первые, оставшиеся вместе с тем неразделенными любовные чувства. Это Т. Решетова, выпускница Тотемского педучилища, которая, по словам Н. Коняева, «не смогла отвергнуть ухаживания», стала «первой любовью» Н. Рубцова и бродила с ним по берегу Сухоны, дожидаясь ночного рейса парохода на Вологду. Её мама, узнав, что Н.Рубцов сирота, постаралась окружить его заботой. Но между влюбленными произошла ссора, и Таня вместе с сокурсницами уехала на работу в Азербайджан. Именно её вспоминал Н.Рубцов в январе 1955 года, когда писал:

*Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена.*

Несколько стихотворений поэта посвящено Т.С. – Тае (Таисии) Смирновой, с которой он познакомился в августе 1955 года на танцах в парке поселка Приютино и которой затем посылал фотографии и стихи с Северного флота:

*Сочинять немного чести.
Но хотел бы я мельком
Посидеть с тобою вместе
На скамье под деревцом.*

С мыслью о встрече с Таей приехал Н.Рубцов на побывку в Приютино в 1957 году. Каково же было

разочарование, когда он узнал, что Тая изменила ему. Он воспринял это как предательство и весь свой гнев вылил в посвященном Т.С. стихотворении «После разлуки» (1957):

*Забыла ли ты о друге?
Взгляни же скорей!
Всё ясно...
Три года тебе, подлюге,
Письма писал напрасно.*

Такое прямолинейное выражение чувств пока ещё очень далеко от есенинской грусти в стихах о расставании с любимой женщиной:

*Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость⁶.*

После армии Н.Рубцову предстояло еще многое узнать и пережить, чтобы трагедию любви не смешивать с неудачной любовью. Пока же от своих подруг Н.Рубцов ожидал, что любовные отношения будут развиваться так же последовательно, как в прочитанных им на флоте советских романах. Отключенный на четыре года от жизни общества, в котором во второй половине 1950-х годов происходили значительные перемены в понимании «вечности в любви», Н.Рубцов только позднее, в пору творческой зрелости, осознал, что любовь, все равно, счастливая или несчастная, для поэта много интереснее долгих лет обыденного брака:

*Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках ветер и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
– Наверное, гордишься, что поэт? –
Наивная! Ей было не представить,
Что не себя, – ее хотел прославить,
Что мне для счастья
Надо лишь иметь
То, что меня заставило запеть!*

Но такого качества стихи о любви стали «выпеваться» у Н.Рубцова уже позднее, а в феврале 1959 года, незадолго до окончания срока флотской службы, он оказался на распутье. В любом отделе кадров он мог показать лишь документ об окончании семилетки. Он бросил учёбу в двух техникумах. Несколько раз влюблялся в девушек, но ни одна не дала согласия стать его женой. У него не было только квартиры, но и каких-либо шансов получить её в ближайшее время. Из-за отсутствия образо-

вания он мог рассчитывать только на самую непрестижную, грязную и тяжелую работу с многолюдным общежитием в придачу. Как он писал в посланном еще с флота письме В. Сафонову от 3 февраля 1959 года, единственным избавлением «от вредного и неприятного расположения духа», от «угарных газов мрачного скептического состояния» помогали ему как письма друзей, так и стихи С. Есенина с присущей им «необыкновенной силой» чувств. Цитируя близкие ему по духу строки С. Есенина из стихотворения «Хулиган» («Мне бы в ночь в голубой степи / где-нибудь с кистенем стоять!»), Н. Рубцов делился впечатлениями:

«Что за чувства в этих стихах? Неужели желание убивать? Этого не может быть! Вполне очевидно, что это неудержимо буйный (полнота чувств, бьющая через край, то – самое ценное качество стиха, точно? Без него, без чувства, вернее без нее, без полноты чувства, стих скучен и вял, как день без солнца) – повторяю: это неудержимо буйный (в русском духе) – образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе. Не важно, что образ хулиганский. Главное в нём – романтика и кипение, с исключительной силой выразившее настроение (беру чисто поэтическую сторону дела). Вообще в стихах должно быть «удесятеренное чувство жизни», как сказал Блок. Тогда они действенны».

Судя по этому письму, Н. Рубцов пытается обрести понимание самого себя, своих желаний, своего гнева и тревоги, своей тоски – чем она рождена, что могло бы её утолить? Он уже знает, насколько сурово тоталитарное общество испытывает человеческое мужество, как трудно в нём человеку остаться человеком. Перед ним, как и когда-то перед С. Есениным, стоит выбор: либо быть бунтарем, либо пленником добпорядочности и ради житейского успеха прилаживаться к пахнущим страхом законам советского общества, существующего в условиях подавленности и покорности. Он видит, что современная поэзия страдает упадком духа, многие стихи «рождаются мертвыми». В письме ленинградскому поэту Герману Гопле, написанному в марте 1960 года, Н. Рубцов не без иронии вспоминает о своем впечатлении от выступления И. Бродского на Турнире поэтов во Дворце культуры им. М. Горького в конце 1959 года:

«Конечно же, были поэты с декадентским духом. Например, Бродский. Он, конечно, не завоевал приза, но в зале не было равнодушных во время его выступления.

Взявшись за ножку микрофона обеими руками и поднеся его вплотную к самому рту, он громко и картаво, покачивая головой в такт ритму стихов, читал:

*У каждого свой храм!
У каждого свой гроб!*

Шуму было! Одни кричат:

– При чем тут поэзия?!

– Долой его!

Другие вопят:

– Бродский, еще!

– Еще! Еще!

После этого вечера я долго не мог уснуть и утром опоздал на работу, потому что проспал. Печальный факт тлетворного влияния поэзии, когда слишком много думаешь о ней, в отрыве от жизни, в отрыве от гражданских обязанностей! Я знал, что завтра на работу, но не придавал этому особенного значения, и, как видите, поэтическое настроение в момент пришло в противоречие с задачами семилетки, обратилось в угрызение совести. И в деньги, которые мог бы заработать, но не заработал.

Так и в стихах. Поэзия исчезает в них, когда поэт перестает чувствовать землю под ногами и уносит в мир абстрактных идей и размышлений».

Н. Рубцов хочет идти своим неповторимым путем, поминутно чувствуя жажду движения вперед, «романтику и кипение» в своей душе и «удесятеренное чувство жизни» в новых стихах. Переполюющая Н. Рубцова «неудержимо буйная (в русском духе)» тоска по раздолью и свободе требует активных действий – в жизни и в поэзии. Очевидно, что эмоциями Н. Рубцова руководит глубокое убеждение, поддержанное реальными переживаниями и прежде всего – желанием раскрыть возможности в самом себе.

2 июля 1960 года Н. Рубцов посылает В. Сафонову письмо из Ленинграда:

«Работать устроился на советский завод, где, сам знаешь, меньше семисот рублей никто не получает. С полочки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода.

Вообще живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя. Стареею понемножку, так и не решив, для чего же живу... А вот мне сама жизнь давненько уже доказала необходимость иметь большую цель, к которой надо стремиться».

К тому времени, с 30 ноября 1959 года, Н. Рубцов уже полгода работал кочегаром на Кировском заводе за Нарвской заставой, успел войти в состав литературного кружка при редакции заводской многотиражки «Кировец» и опубликовать в апрельском номере газеты стихотворение «В кочегарке»:

*...Пахло угольным угаром,
Лезла пыль в глаза и рот,
А у ног горячим паром
Шлак парил, как пароход.*

Заводской газете был близок лирический герой этого стихотворения, вчерашний матрос Северного флота, который «с таким работал жаром, / будто отдан был приказ / стать хорошим кочегаром / мне, ушедшему в запас». Поэт Николай Новосёлов писал в предисловии к литературной странице многотиражки: «От стихотворения к стихотворению крепнет поэтический голос, возрастает литературное мастерство Н.Рубцова». В тот момент всем членам кружка казалось, что к «рабочей» теме приобщился ещё один достойный человек, вышедший из народа. Н.Рубцову предоставили место в общежитии и в мае 1961 года перевели на работу шихтовщиком в копровый цех. По записанным В.Карлуценко воспоминаниям А.В.Николаева, жившего с Н.Рубцовым в одной комнате, сосед вечерами допоздна писал стихи: «В его тумбочке лежала стопка листов, испещренных пометками, вычеркнутыми строчками, вымаранными чернилами словами. Иногда Николай часами бился над словом. Бывало, вернемся с завода в общежитие – в комнате хоть шаром покати: добываем у ребят хлеба, ставим чайник, пьем кипяток. Николай уже успел за день сочинить стихотворение, но «замка» стиха, как он говорил, – нет. Опять ўётся над словами. И наконец находит, улыбается. Счастливей, будто червонец нашел».

Наряду с занятиями в заводском кружке, Н.Рубцов становится членом литературного объединения «Нарвская застава», где велись занятия по теории и истории поэзии. На руководителя литобъединения Игоря Михайлова произвели впечатление «удивительно жизнелюбивые» стихи вчерашнего моряка. Осенью 1961 года пять стихотворений Н.Рубцова – «В кочегарке», «Впечатления детства», «Желание», «Утро на море», «Портовые ночи» – появились в сборнике заводских поэтов «Первая плавка». Для многих членов литературного объединения это был первый шаг в страну Поэзии, и они искренне радовались публикации. Что же касается Н.Рубцова, то он уже выходил на тропу профессионального литератора и знал, что и как надо писать на «рабочую» тему. Профессия кочегара окончательно добывала его и без того порушенное войной и сиротством здоровье, но если в данной ситуации от него как от поэта ждали прославления труда – он писал стихотворение «Кочегарка», где заявлял о желании «стать хорошим кочегаром». Полгода работы на рыболовном траулере показали Н.Рубцову

всю изнанку изнурительного труда в море, но от него, бывшего матроса, ждали романтических воспоминаний о пережитом. Так появляется стихотворение «Утро на море» с описанием реющего над волной паруса, а издали

*Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой!*

Много общих слов в стихотворении «Портовая ночь», где рифмы подобраны с не свойственной поэту небрежностью: «опять – зажигать», «уют – прильнут», «труд – уют». Пожалуй, только в стихотворении «Желание» Н.Рубцов приоткрывает тот «глубинный пламень», который бушует в его душе и пока не находит своего выражения в стихах:

*Но от грустных слов
мне рот воротит.
Тот глубинный пламень есть в душе,
Что всегда горит во мне и бродит,
Словно хмель в наполненном ковше.*

Поэт выражает желание, «чтоб времени фарватер / не оставил где-то в стороне». Он не может не понимать, что навязываемое ему предложение стать певцом «рабочей» темы не дает перспективы роста.

На очередное заседание литературного объединения «Нарвская застава» Н.Рубцов выносит шесть стихотворений иной тональности («На родине», «Фиалки», «Соловьи», «Видения в долине», «Левитан», «Старый конь») и получает дружный отпор. На взгляд заводских поэтов, эти лирические стихи «мелки по теме», в них присутствует «неуместная в стихах такого рода игра слов». Зато хвалят стихи Н.Рубцова на «рабочую» тему («В океане», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...»), которые «сразу составили ему добрую репутацию»⁷. Н.Рубцову советовали заняться описанием «трудового процесса». Тем самым его отсекали от философской лирики, связанной с размышлениями о жизни и смерти, о смысле человеческого бытия, о судьбе России.

«В Ленинграде Рубцов был в какой-то мере чужаком, пришельцем, – вспоминал Г.Горбовский. – Однажды привел с собой брата с гармошкой. И мы все пошли в один из ленинградских садилов, сели на лавку и стали играть на гармошке и петь песни. Городские люди на нас с интересом смотрели. А Коля не мог иначе. Ему так хотелось щегольнуть гармошкой, северной частушкой или моряцким гимном – «Раскинулось море широко»... Он таким образом заявлял в городе о себе, сохраняя в себе свое, тамошнее, народное...»

И хотя у Н.Рубцова, в отличие от С.Есенина, в бытовом и будничном плане не было родительского дома, он воспринимал село Никольское, где провел детство и откуда шагнул в большой мир, как свою родную вотчину. Здесь он мог после долгих странствий припасть к источнику всего живого, нравственно чуткого – к родной, «врачующей» природе. Стихотворение «На родину» (1962) начинается с картины мчащихся в ночи «по холмам суровым» грузовиков, в одном из которых сидит лирический герой, обуянный желанием скорее увидеть родные просторы:

*Побегу в родные края,
Побегу
Из долгой неволи
На отдых,
На мед с молоком!*

Родные края предстают здесь в романтическом ореоле как некий сказочный мир, где после «долгой неволи» города можно вылечить свою уставшую душу и встретить добрых людей, дарующих всем «мед с молоком». Тишине этого райского уголка противопоставлен рев грузовиков, водители которых ведут себя как завоеватели сельских пространств: «Припали к рулям, / как зубры! / и гнали – в леса, в леса! – жестоко оскалив зубы / и вытарашив глаза!» Здесь Н.Рубцов интуитивно повторяет конфликт «живого» и «железного», который проходит через стихотворение С.Есенина «Сорокоуст» (1920). В нём от храпа поезда, похожего на зверя «с железной ноздрей», чуют беду строенья, поселки, луга, а «смешной дуралей» жеребенок теряет силы в отчаянной гонке с паровозом, не зная, «что живых коней победила стальная конница».

На ту же тему написано стихотворение «Фиалки» (1962), герой которого в большом городе испытывает огромное чувство одиночества, осиротелости. Ему чужд водоворот суеты и денежных забот, где даже лесные фиалки продаются навывнос, а ведь они для вышедшего из деревни лирического героя – «словно живые». Образ срезанных на продажу лесных фиалок усиливает в лирическом герое отчаяние от мысли, что он, оказавшись без денег на чужбине, может никогда не возвратиться на родину. Возникает переключка с началом поэмы С.Есенина «Цветы» (1924):

*Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко.
Ты больше не увидишь близко
Родное поле, отчий край⁹.*

В свойственные «Цветам» грустно-мрачные тона окрашены и переживания героя «Фиалок», мечтам которого о возвращении в деревенский рай, где любого скитальца угощают молоком с медом, не дают исполниться борющиеся друг с другом за каждую копейку, за место под солнцем озверевшие от бедности посетители вещевого рынка. Они равнодушны к страданиям деревенского паренька, к его попыткам продать последнюю одежду и купить билет на родину:

*Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга
И толкают друг другу,
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец...
О!.. Купите фуфайку.
Я отдам за червонец...*

Культ денег, культ обыденной жизни, основанной на примитивных иллюзиях, выдаваемых за здравый смысл, были чужды Н.Рубцову, никогда не ощущавшему безопасности, комфортности и спокойствия человеческого существования. Выполняя на заводе физически выматывавшую его работу и получая за неё гроши, живя в общепитии, питаясь плохо и, как всё его окружение, злоупотребляя алкоголем, Н.Рубцов спасал себя духовным самоисследованием, поиском ответа на вопрос: «кто есть я?» Как это бывает в индуистской практике, «все человеческие качества продолжают существовать как бы формально, в том числе и «Эго», но в душе появляется совершенно иной центр... Человеческое «Я» остается где-то внизу как придаток, а вместо него возникает то, что невыразимо на человеческом языке... Появляется реальное иное «сознание», и всё это совершенно конкретно, существуют признаки этого «сознания» как результат «собственного усилия человека, но не в форме рациональных попыток и обобщений, а в форме активизации так называемой сверхрациональной интуиции, интуитивного познания, которое относится к компетенции уже сверхрационального разума. Это познание сверхчеловеческое, т.е. мгновенное познание того, что ты хочешь познать»⁹.

Отсюда – неожиданный для многих его современников творческий взлёт Н.Рубцова к вершине поэтического слова, вызвавший удивление читателей и критиков по поводу пророческой глубины его стихов. «...Мнится, – писал Вадим Кожинов, – что стихи эти никто не создавал, что поэт только извлек из вечной жизни родного слова, где они всегда – хотя и скрыто, тайно – пребывали».

Одним из первых, кто в Ленинграде почувствовал сердцем, что Н.Рубцов находит свою, «корневую, драматическую тему Родины, России, тему жизни и смерти, любви и отчаяния», был Глеб Горбовский. Случилось это, когда Н.Рубцов зашел к нему в гости и прочел стихотворение, начинавшееся строкой «Трущобный двор. Фигура на углу». «Главное, что стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды, – вспоминал Г.Горбовский. – И Коля для меня перестал быть просто Колей. В моем мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник».

В начальном варианте поразившее Г.Горбовского стихотворение называлось «Поэт» и при всём автобиографическом его характере подхватывало одну из ведущих тем в творчестве Ф.Достоевского – тему одиночества человека, живущего не в своей среде, во мраке безвыходности и отчаяния и потому склонного переносить свои переживания в мистическую потустороннюю сферу. Стихотворение начинается с описания чисто петербургского пейзажа, каким он виделся Ф.Достоевскому: городские трущобы, замкнутые с четырех сторон мрачные и грязные дворы, желтый свет из окон, который «горит, но не рассеивает мглу». Неудивительно, что в одинокой фигуре на углу лирическому герою, пришедшему на встречу с приятелем-поэтом, чудится Ф.Достоевский: «Как без него представить эти тени, / и желтый свет, и грязные ступени...» Уже настроенному на некое бесовское наваждение герою всё дальнейшее видится словно в тревожном сне:

*Я продолжаю верить в этот бред.
Когда в своё притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...*

Далее, как в «Двойнике» Достоевского, происходит нечто странное: лирический герой, будучи сам поэтом, начинает жить в стихотворении двойной жизнью, раздваивается в собственном сознании. С одной стороны, он опасается всего происходящего в «притонном жилище» – олицетворении ада в его воспаленном воображении, а с другой стороны, с болезненным любопытством фиксирует в своей памяти детали раскрывающегося перед ним мистического зрелища, тем более что узнает себя в хозяине мрачной квартиры, который «как волк, напьется натошак, / и неподвижно, словно на портрете, / все тяжелей сидит на табурете, / и все молчит, не двигаясь никак».

*Он говорит, что всё уходит прочь
И всякий путь оплакивает ветер,
Что странный бред, похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь,
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем.
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живой.*

О существовании в себе другого, «черного человека» признавался и сам Н.Рубцов. В воспоминаниях жены В.Астафьева М. Корякиной приводится текст его записки к Н.Л.: «Н.! Я понимаю, что мало извиниться перед тобой (мне все рассказала Анастасия Александровна). Это говорил не я. Это говорило моё абсолютное безумие. Поэтому не придавай абсолютно никакого значения дурусти. По-прежнему Н.». И далее М.Корякина продолжает: «Спустя несколько дней Николай зашел к нам пьяный, мрачный и раздраженный. Покачиваясь на стуле, что-то говорил о смысле жизни поэта, начал было развивать какую-то умную мысль, но тут снова заговорило его «абсолютное безумие». Я смотрела на него, совсем другого Колю, неухоженного, нетерпимого, и уж вроде начала сомневаться, один ли и тот же человек Николай Рубцов, написавший много прекрасных стихов, и этот изможденный выпивкой, косноязычный, растрчивающий себя и свой талант так безрассудно».

Но даже когда Н.Рубцов клял себя за проступки, объяснимые «абсолютным безумием» и «адским пламенем» эмоций, он продолжал в стихах совершенно справедливо утверждать:

Поверьте мне: я чист душою...

Необычность поведения Н.Рубцова, как и мистический реализм его стихов, вызывали у его знакомых ощущение встречи с чем-то загадочным и необъяснимым. Иногда поэт «никого вокруг себя не замечает, настолько отрешенным вдруг становится взгляд, устремленный сквозь и через всех в ему одному видимую даль»¹⁰. В такие минуты его словно вела неведомая сила, и объяснение такому поведению, напоминающему медитацию, можно найти в работах ученого из Санкт-Петербурга Ю.А.Андреева. По его мнению, избранным художникам слова даровано выйти на контакт с ноосферой – «гигантской оболочкой вокруг Земли, постоянно накапливающей всё новую и новую информацию о каждом из нас, обо всем, что совершается на планете... Обретение знаний свыше – хоть во сне, хоть наяву – свидетельство этой истины. Выход на информационный канал в ряде случаев позволяет

не только предсказывать будущее, но подчас и открывать неизвестные страницы в прошлом».

Провидческое дарование Н.Рубцова проявилось уже в стихотворении «Видения на холме» (1962), первый вариант которого был написан в Ленинграде и представлен в рукописном сборнике Н.Рубцова «Волны и скалы». Позднее, уже в Москве, Н.Рубцов вновь вернулся к тексту стихотворения: вместо выражения «безмолвных звезд сапфирное движение» появился завершающий стихотворение образ: «спокойных звезд безбрежное мерцанье» и т.д. Но корневая основа стихотворения сохранилась.

Создание «Видений на холме» совпало с увлечением Н. Рубцова творчеством Федора Тютчева. Об этом свидетельствуют многие его современники, и в том числе вологодский прозаик С.Багров:

«Вернувшись к раскрытому чемодану, он вынул книгу в желтом потрепанном переплете – «Сочинения Ф.И.Тютчева». Подавая её мне в руки, сказал:

– Вот поэт! Сильнее его не знаю!

– А Пушкин?

– Они друг другу равны.

– А Есенин?

– Он тоже великий поэт».

Ф.Тютчев оказался близок Н.Рубцову высокой оценкой в человеке игры естественных, непроизвольных сил. Литературовед Н.Я. Берковский называл Ф.Тютчева поэтом-импровизатором, возлагающим надежды на прихоть чувства и мысли, которые сами должны вывести его на верный путь: «В поэтическом изложении он делает крутые прыжки и повороты, узаконивает внезапные свои находки – будет ли это поэтическая идея, будет ли это слово, – твердо верит в правоту своих догадок, не ища доказательств для них... Он отдается впечатлениям жизни, идет за ними, благодарный тому, что они подскажут, что внушат. Как подлинный импровизатор, он сочиняет по мгновенно пришедшему поводу, без подготовки и безошибочно верно». Такая импровизаторская программа классика русской поэзии была близка Н.Рубцову, который в письме А.Яшину от 3.11.1964 г. писал: «Не поэзия от нас зависит, а мы зависим от неё... Главное, чтоб за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создает, независимо от нас, форму. А значит, еще главное – богатство переживаний, настроений (что опять не от нас зависит), дабы не было бедности, застоя интонаций, форм».

Ф.Тютчев оказался близок Н.Рубцову своим пантеизмом, бравшим под покровительство всю органическую жизнь в целом и потому напряженно переживавшим противоречия современного мира: «Что бы ни представало перед Тютчевым, – писал

Н.Я.Берковский, – он всегда подозревал великие несоответствия между явным и тайным, наличным и скрывающимся, идущим в жизнь и уже пришедшим в нее. Повседневная практика обнаруживала, что современный мир находится в распоряжении вс индивида и его «злой жизни», как назвала она в тютчевских стихах. Повсюду сказываются последствия и отголоски этой «злой жизни», столько же губительной, сколько и всепроникающей».

Стихотворение Ф.Тютчева «Видение» (1929) исполнено страхом перед разрушительной, вражеской силой, которая внезапно приходит к человечеству в ночи, «в час всемирного молчания». Ничем нельзя остановить зловещий ход событий, когда «колесница мироздания / открыто катится в святилище небес»:

*Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспмятство, как Атлас, давит сушу...
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!*

Лишь немногим, и в первую очередь служителям музыки – поэтам, в эти ночные часы хаоса удастся проникнуть через свои видения в глубину вечного движения природы, в ход истории, в судьбы цивилизации:

*Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!*

Присущее стихотворениям Ф.Тютчева «Видение» и «Последний катаклизм» мистическое восприятие благой, божественной силы и злой, сатанинской характерно и для «Видений на холме» Н.Рубцова. Уникальность духовного опыта Н.Рубцова состояла в том, что это мистическое чувство он вынес не после знакомства с философией и культурой Запада (где Ф.Тютчев провел 22 года), а через личный опыт скитаний по России. Развитию мистического чувства способствовали сиротство и житейская неустроенность, постоянная нужда, разрыв с семьей, тягостное одиночество и безысходность во многих жизненных испытаниях. Главным же для Н.Рубцова было обретение национального исторического сознания после приобщения к богатейшей культуре Русского Севера, когда в душе повзрослевшего поэта появилась способность поставить жизнь русского народа в некую всемирно-историческую связь.

Начиная с «Видений на холме», Н.Рубцов (об этом он писал А.Яшину) предпочитает «использовать слова только духовного, эмоционально-об-

разного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». История вторгается в его «Видения» сквозь призму личности как субъекта, соотношенного с бытием народа. Так же, как для Пушкина «судьба человеческая – судьба народная», так и для Н.Рубцова характерно желание проникнуть в тайну России, послужить ей, пророчески разгадать её судьбу. И начинает он с напоминания о трагическом прошлом Руси:

*Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...*

В этой первой трети знаменитого стихотворения Н.Рубцов создает осененный православием образ Древней Руси, чья растянувшаяся на несколько веков жизнь под «тупым башмаком скуластого Батыя» стала результатом «грозного раздора» между разрозненными русскими княжествами. При воспоминаниях о пришедших с юга безжалостных варварах, утопивших Русь в крови, разрушивших национальный уклад, сердце поэта наполняется гневом и одновременно – сочувствием к пережившему такие страдания русскому народу.

Центральная часть стихотворения – это песнь любви к России. Вслед за Ф. Достоевским, которому принадлежат слова, что русский народ – народ-богосец, Н.Рубцов верил в великую миссию России, которая несет миру братство людей и свободу духа. Он признавал культ святости у русского народа.

*Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избышки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

Как славянофилы и их последователи в XX веке (Вяч.Иванов, С.Булгаков, В.Эрнст), Н.Рубцов близко воспринимал идею «Святой Руси», мечтал о восстановлении утраченной «древней истины». Сознательно или бессознательно, в качестве источника

вдохновения Н.Рубцов всегда видел перед собой родную страну. В «Видениях» поэт предвосхищал новое наступление на Россию сил зла, когда со всех сторон нагрянут «иных времен татары и монголы», и готовил к нему человеческие души.

Русь в изображении Н.Рубцова – это страна «света на звездных берегах», того самого света, который, согласно Евангелию, довелось лицезреть на горе Фавор избранным апостолам, увидевшим светлый лик преобразившегося Христа. И как бы ни скрежетали зубами собравшиеся под горой представители «рода неверного и развращенного», они бессильны помешать наполнить души человеческие надеждой на исцеление и преобразование жизни как духовной, так и телесной. Об исканиях Фаворского света в русской литературе говорил 26 февраля 1914 года князь Евгений Трубецкой в докладе, читанном в Москве на собрании Религиозно-Философского общества: «И всегда искание Фаворского света вызывалось у наших писателей живым, болезненным ощущением силы зла, царящего в мире».

То же самое есть в «Видениях на холме» Н.Рубцова, где автор трагически переживает возможную судьбу родной страны, «сугубо страдающей, периодически одержимой духом немым и глухим, немолчно зовущей и требующей помощи», и вместе с тем в финале стихотворения выражает веру в вечное сияние «бессмертных звезд Руси»:

*Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной –
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное молчанье...*

Каждому прочитавшему стихотворение «Видения на холме» становится ясно, что его автор любит свою страну, своё отечество и в этой любви черпает вдохновение. Ведь «только любовь привязывает человека к чему-нибудь на жизнь и на смерть; только любовь вызывает в душе ту верность, без которой немислимо никакое государство; только любовь открывает человеку то духовное око, которое позволяет ему отличать в жизни Божественное от небожественного и превращать свою жизнь в истинное служение».

Н.Рубцов готов был приступить к обновлению своего духовного опыта, но его желание по-новому открыть в стихах приметы времени столкнулись с

сопротивлением местной писательской элиты. «Хочется кому-то чего-то доказать, а что доказывать и кому доказывать – не знаю», – писал Н.Рубцов В.Сафонову 2 июля 1960 года. Ему было отказано в публикации на страницах журналов «Смена» и «Звезда». Иногда он выступал на различных мероприятиях (на вечере поэзии рабочей молодежи в Ленинградском Доме писателей 24 января 1962 года, на встрече молодых ленинградских поэтов с коллективом журнала «Звезда» в марте 1962 года, на итоговом отчете рабочих поэтов литературного объединения «Нарвская застава во Дворце культуры имени Горького» 6 мая 1962 года), но читал там стихи о труде моряков да небольшие юморески: «И вот уже в зале искренний смех, веселое оживление после очередных шуточных строк», – вспоминал Б.Тайгин, описывая вышедшего на сцену Н.Рубцова в заношенном пиджаке и мятых рабочих брюках, в шарфе, обмотанном вокруг шеи поверх пиджака.

Всё очевиднее становилось, что в Ленинграде Н.Рубцову не удастся проявить лучшие стороны своего дарования. Свои надежды на лучшее будущее он стал связывать с Москвой, с поступлением в Литературный институт имени Горького. Ради исполнения этой мечты Н.Рубцов без отрыва от производства окончил девятый и десятый классы вечерней школы и 21 июня 1962 года получил аттестат зрелости. Значимое для него событие совпало с другим: ленинградец Борис Тайгин предложил записать на магнитофонную ленту стихи в авторском исполнении и затем сделать машинописный сборник. В течение полутора месяцев, начиная с первого июня 1962 года, работа была завершена. В окончательном варианте в книжку вошло более тридцати стихотворений, разделенных на восемь тематических циклов. «Назвал Н.Рубцов ее «Волны и скалы», – вспоминал Б.Тайгин, – объяснив, что «волны» означают волны жизни, а «скалы» – различные препятствия, на которые человек натывается во время своего жизненного пути».

Рукописный сборник, размноженный в шести экземплярах, открывался авторским предисловием, написанным 11 июля 1962 года. На тот момент Н.Рубцов продолжал испытывать непреодолимую чуждость по отношению к не понявшей его творческих интересов и не принявшей его стихи поэтической элите. «И пусть не суются сюда со своими мнениями унылые и сытые «поэтические рыла», которыми кишат литературные двory и задворки, – писал Н.Рубцов. – Без них во всем разберемся». Тенденциозность вступительной статьи очевидна, как и её противоречивость. С одной стороны, Н.Рубцов демонстрирует верность традициям поэтов-шестидесятников с их верностью нигилизму по отноше-

нию к респектабельным традициям и не считает «экспериментальным» и «формалистическим» тот уклон в некоторых его стихах, который связан с желанием «поиграть», если подобная игра – «органичное художественное средство». С другой стороны, он говорит о своей потребности в серьезности и глубине, в народно-национальной традиции, в общественных ценностях, без которых нет культуры:

«В жизни и в поэзии – не переносу спокойно любую фальшь, если ее почувствую. Каждого искреннего поэта понимаю в любом виде, даже в самом сумбурном.

По-настоящему люблю из поэтов-современников очень немногих.

Четкость общественной позиции поэта считаю не обязательным, но важным и благотворным качеством. Этим качеством не обладает в полной мере, по-моему, ни один из современных молодых поэтов. Это есть характерный знак времени. Пока что чувствую этот знак и на себе».

«Рукотворная» книга «Волны и скалы» включила в себя всё лучшее, что было написано Н.Рубцовым в предыдущие годы, и в этом её непреходящее значение. Открывалась она циклом стихотворений «Салют морю», куда вошли стихи, выгодно оттенявшие «морскую» страницу биографии автора («В океане», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «Фиалки»). Первые два из них когда-то были одобрены участниками литературного объединения и читались поэтом на своих выступлениях в городе, а вот «Фиалки» были осуждены за мелкотемье. И здесь проявляется рано проснувшееся в Н.Рубцове качество – не изменять своим принципам в угоду постоянно меняющейся конъюнктуре дня.

Во второй цикл Н.Рубцов включил два стихотворения из своего «рыбацкого» прошлого («Однажды к пирсу траулер причалил» и «Бывало, вырядимся с шиком...») и четыре лирических стихотворения, самым сильным из которых было «Видения на холме» («Взбегу на холм и упаду в траву»). Вошло в сборник и стихотворение «Березы», когда-то (на взгляд Н.Рубцова – несправедливо) раскритикованное в Мурманске. Новые грани дарования поэта открывало стихотворение «Утро утраты» («Человек не рыдал, не метался»), где с удивительной глубиной были раскрыты чувства горожанина, пережившего потерю близкого человека и при этом оказавшегося на улице в глухом одиночестве среди грохочущих «железками машин».

В третий цикл «Птицы разного полёта» были включены четыре стихотворения, которые с большой степенью условности можно назвать любовной лирикой. В одном из них, начинавшемся строкой «Эх, коня да удаль азиата», лирический герой мечтал предс-

тать перед любимой «разбойником, только без кинжала», удивившим девушку своим появлением на городской улице на лихом коне. В другом стихотворении он же бродил по метельному городу «вдоль железных заборов», осуждая девушку, которая и раньше опаздывала на свидания, а этим вечером «не пришла и совсем». Еще один вариант несостоявшейся любви дан в стихотворении «Ненастье», но на этот раз без надрыва эмоций, а с юмором: после отказа встретиться герой ради успокоения насыщает «молдой организм какой-то копченой рыбешкой».

Четвертый цикл стихотворений Н.Рубцов назвал «Звукописные миниатюры» и включил в него стихотворения: «Левитан», где автор, услышав колокольный звон, идет на словесный эксперимент и пишет о «звоне заокольном и окольном / у окон, около колонн»; «Старый конь», вызывающее невольное восхищение талантом автора владеть всем богатством русского языка («Хоть волки есть на волоке / и волок тот полог, / едва он сани к Вологде / по волоку волок...»). Еще в двух стихотворениях «На перевозе» и «Маленькие Лили» озорно и весело обыгрывались близкие по звуковой гамме слова («На прутик лили / Лили – лилипуты»).

Пятый цикл, названный автором «Репортажи», открывался стихотворением «На родине» («Загородил мою дорогу...») – о новинах колхозной деревни, где «в полях везде машины / и не видать плохих кобыл». При сочинении этого опуса Н.Рубцов был очень похож на мужика из его стихотворения «Репортаж», которого корреспонденты радио просят «рассказать о работе «в свете новых решений ЦК», а ему «непривычно трёкать», он, бедняга, мучается, «вдох срывается с языка», но от него не отстают, «тянут слово из мужика!». Завершало цикл стихотворение «О собаках» («Не могу я видеть без грусти...»). При всей внешней обыденности сюжета в изображении «ежедневных собачьих драк» в стихотворении есть и свой подтекст. Глядя на дерущихся собак, самые наглые из которых «разорвут на части», Н. Рубцов проецирует их нравы на взаимоотношения в раздираемом конфликтами писательском сообществе, когда входящий в литературу, подобно собаке, неизбежно оказывается «друг человеку одному, а другому – враг».

Шестой по счёту включенный в рукописную книгу цикл назывался «Ах, что я делаю!», куда вошло и стихотворение «Да, я умру!».

В следующий цикл «Хочу-хочу!» Н.Рубцов включил одобренные на литературном объединении «Нарвская застава» стихотворения «Разлад» («Никто никогда не писал таких стихов о неудачной любви, где несомненная боль прикрывалась иронией», – вспоминал И.Михайлов) и названное там же «од-

ним из самых улыбочивых его стихотворений» «Утро перед экзаменом». Здесь же появилось написанное в Мурманске стихотворение, которое начиналось словами: «Стукнул по карману – не звенит».

Завершал рукописный сборник цикл «Ветры поэзии», куда в том числе вошли стихотворения «Поэт» («Трущобный двор...») и «Сказка-сказочка» («Влетел ко мне какой-то бес...»).

По воспоминаниям Б.Тайгина, Н.Рубцов книгой «Волны и скалы» «был растроган чрезвычайно» и взял её с собой в Москву, в Литературный институт. «Я на собеседовании читал стихи, держа её в руке, – рассказывал он Б.Тайгину, – а потом она побывала в руках у всех членов комиссии, вызвав у них удивление и восхищение немалое! Думаю, что она являлась для меня как бы талисманом. Всегда буду хранить её как самое дорогое, заветное».

В июле Н.Рубцов побывал в селе Никольское. Он был весел и энергичен, охотно участвовал в сельских вечеринках. Однажды он узнал в пришедшей в клуб Генриетте Михайловне Меньшиковой ту самую девочку Гету, с которой летом 1949 года ездил в Тотьму на олимпиаду детских домов. Тогда он «играл на гармошке разные песни, сопровождал музыкальной акробатические номера, которые Гета исполняла с Женей Буняк»¹¹. Дружеская встреча закончилась более близким знакомством. При первых признаках беременности Г.Меньшикова уехала из села в близкий к Ленинграду город Ораниенбаум, где устроилась работать почтальоном. Она навестила заводское общежитие, но Н.Рубцов уже уехал в Москву, успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на первый курс Литературного института. В конце октября Н.Рубцов побывал в Ленинграде, навестил друзей, встретился с Гетой, обещал помогать дочери. От регистрации брака Гета категорически отказалась и вернулась в село Никольское к матери. 20 апреля 1963 года родилась дочь поэта Людмила. Впоследствии Н.Рубцов неоднократно навещал дочь, жил в Никольском месяцами, писал здесь стихи и помогал по хозяйству: пилил и колот дрова, собирал на продажу грибы и ягоды.

Известие о смерти отца поэт получил с опозданием, когда вместе с другими студентами был отправлен «на помощь селу». В сентябре Н.Рубцов побывал на могиле отца, почтил его память.

Словом, 1962 год для Н.Рубцова оказался необычайно богат событиями личного характера, затрагивавшими и его писательскую судьбу. Ему казалось, что полоса неудач окончательно завершилась и ему открыт прямой и быстрый путь к успеху на литературном поприще. Не теряя ни минуты времени, он стал предлагать редакциям столичных журналов свои стихотворения. Точно так же посту-

пали и его товарищи по Литературному институту, и жившие «в городах и весях» тысячи молодых и пока еще не признанных поэтов, мечтавших последовать примеру блиставшего в тот момент целого взвода «эстрадных» певцов современности.

Начинавший в те годы свою литературную карьеру и ставший председателем Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов вспоминал в сентябре 2014 года: «Со временем мне повезло: в 1960-е годы началась эпоха, когда литература котировалась выше всего. Более блестящей карьеры не было. Сейчас можно стать депутатом, миллионером, а тогда быстрее всего – писателем. Это почувствовали мы все. Мы читали друг друга и точно оценивали, и уже не было страшно ничего, после того как тебя оценили такие люди... Сейчас несет в основном еще та, прежняя энергия. Но подняться и вырасти из сегодняшних дней? На чём? Раньше был общий стимул – доказать, что мы лучше системы. Теперь некоторые молодые тоже борются с нынешним, но это уже словно дежавю. И азарт, конечно, не сравним».

В Москву Н.Рубцов приехал с целым баулом написанных ранее стихов. Нередко в комнате, где он жил, собирались поэты-первокурсники. «Читали стихи, спорили до изнеможения, – вспоминал С.Макаров. – Николай, уронив в ладони лоб, мог часами молчать, не принимая участия в споре. Только иногда он поднимал на нас свои карие, пронзительные, какие-то пронзительные глаза и говорил: «Эх, вы! Что вы понимаете в поэзии!» И вновь замолкал надолго». В силу своего возраста и литературного опыта он не собирался соразмерять свой талант с теми, кто после школьной скамьи сразу стремился войти в поэтическую иерархию Литературного института. Но иногда на ночных посиделках студентов он мог прочитать свои стихи. Как вспоминал Эдуард Крылов, «впечатление было очень сильным. В то время кумирами читающей публики были Евтушенко, Вознесенский... В Рубцове сразу почувствовалось нечто совсем другое. «Необычная» поэзия «под Евтушенко» звучала уже слишком обычно, а «обычная» поэзия Рубцова прозвучала необычно... Прозаики сразу и безоговорочно признали первым Николая Рубцова, поэты либо вовсе не признавали его, либо признавали с большими оговорками и отводили ему очень скромное место. Самыми же преданными его почитателями были люди нелитературных кругов. Все они, кому я читал стихи Рубцова, просили переписать их и познакомить с автором. Напоминаю, что это был 1962 год».

Из стихов, которые Н.Рубцов разносил по редакциям, отбирались те, которые для него были в творческом отношении уже пройденным этапом,

да и они лежали без движения месяцами. Лишь в июне 1963 года на страницах газеты «Труд» Н.Рубцов увидел своё стихотворение «В кочегарке» – на «рабочую» тему. «Комсомольская правда» в ноябре 1963 года познакомила читателей со стихотворением Н.Рубцова «В океане» – на морскую тему. В «Литературной России» в декабре того же года появилось стихотворение «Я весь в мазуте, весь в тавоте...». Составители альманаха «День поэзии» (М., Л., 1963) отобрали три стихотворения: «В океане», «Утро на море» и «В кочегарке». Повторялась та же картина, что и в Ленинграде: Н.Рубцову упорно напоминали, что он в силу своей рабочей биографии обязан писать стихи «по заказу», на социальную тематику. Такое отношение к его творчеству возмущало поэта. В беседе с вологодским журналистом Василием Елесиным он говорил: «Разве можно дать поэту задание: будь социальным! Выполнишь-то он его, может, и выполнит, да только голый техникой. Души, таланта в стихах не будет... Ты можешь сделать так, чтобы сейчас подул ветер? Нет? Так что же ты хочешь от поэзии? Она стихийна! Кто работает по заказу, тот не поэт – ремесленник! Поэзия – буря, а мы только инструменты её...»

В этот сложный для Н.Рубцова период вхождения в московскую писательскую среду он нашел поддержку в лице поэтов Станислава Кунаева, Анатолия Передереева и Владимира Соколова. По словам Вадима Кожина, «поэтический кружок, в который в 1962 году вошел Николай Рубцов, имел, несомненно, первостепенное значение в его творческой судьбе... Главное заключалось в единой творческой позиции участников кружка. Ими всецело владела идея русской Поэзии, воплощающей жизнь человека и народа во всей её глубинной сути». Из многих стихотворений, ранее написанных Н.Рубцовым, его собратья по кружку выделяли те, где вперед выдвигалось чувство преданности русскому Отечеству («Видения на холме»).

Но подобная патриотическая направленность этой группы поэтов вступала в противоречие с политикой партии, которая была направлена на скорое достижение «полного единства наций». На состоявшемся в ноябре 1962 года Всесоюзном совещании по вопросам создания истории советской литературы представитель Академии общественных наук СССР М.Н.Пархоменко говорил о необходимости «целиком» интернационализировать развитие культуры ради «сближения эстетических идеалов, которые, в свою очередь, являются отражением идеалов политических».

Когда в декабре 1962 года А.Яшин опубликовал в «Новом мире» очерк «Вологодская свадьба», на Вологодчине в массовом порядке стали прово-

даться собрания якобы возмущенных этой работой читателей и организовываться «открытые письма» автору. В Никольске на обсуждении очерка выступавшие заявляли, что «это клевета на никольскую жизнь» и что «надо отказаться от такого земляка и закрыть ему дорогу в Никольск». После критики деревенской прозы А. Яшина один из зрителей Вологодского музея, по свидетельству Е. Носова, «снял с гвоздя экспонировавшуюся яшинскую фронттовую шинель и на всякий случай спрятал к себе в кладовку».

Фактически после смерти Сталина и прихода к власти Н.С.Хрущева правящая партия отказалась от восстановления традиционной русской государственности и вернулась к идее «советского интернационализма» первых послереволюционных лет. Повсюду закрывались церкви. Насаждалась политика государственного атеизма. Открыто велся курс на денационализацию русского этноса с надеждой через обвинение в «славянофильстве» затормозить пробуждение русского национального сознания. Не удивительно, что когда в советское время В.Кожин писал свои воспоминания «В кругу московских поэтов», он был очень осторожен в формулировках и подчеркивал, что кружок русских поэтов, о котором он вел речь, «в первые годы своего существования представлял собой именно кружок, а не литературное явление в полном смысле этого слова. Он не имел авторитета в каком-либо журнале, альманахе, издательстве, у него не было даже хотя бы «своего» литературного критика». В.Кожин не редко приходилось слышать из уст духовно близких ему русских поэтов горькие слова о «трудности пути в литературу».

Как рассказывал Н.Рубцов, «редактор читает мои стихи семье, друзьям, знакомым, переписывает их для себя, а издавать не хочет». Зато «хождения на Рубцова» стали какой-то модой, поветрием, что раздражало поэта, который вовсе не жаждал такой «подпольной» славы и гнал своих поклонников из общежития, говоря: «А пусть не ходят смотреть на меня, как в зверинце».

Что касается учебы в Литературном институте, то вместо посещения лекций Н.Рубцов иногда предпочитал подольше поспать, поскольку лучшими часами для сочинения стихов у него были глубокая ночь и самое раннее утро. В итоге не раз получал замечания и выговоры от ректората, в том числе в декабре 1962 года, в январе, феврале и сентябре 1963 года. Когда преподаватель по стилистике, которому Н.Рубцов прочитал свое стихотворение «Осенняя песня» («Потонула во тьме отдаленная пристань...»), сделал замечание, Н.Рубцов стал с ним спорить, но переубедить не смог и в сердцах сказал однокурснику: «К

черту стилистику, если она мешает мне выразить то, что я хочу». Самостоятельность суждений он проявлял во всём, в том числе и в оценке поэзии своих друзей – А.Передреева, С.Куяева, В.Соколова, Г.Горбовского – «был снисходительным, ценя больше дружбу самих людей, чем их творчество. А вот дружим не прощал ни малейшей слабости... Если уж «заводился», то спорил страстно, готовый дойти хоть до кулачной драки». В очередной раз Н.Рубцов «завелся», когда 3 декабря 1963 года проник в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) и задержался у двери одного из залов, где из уст выступавшего перед учителями докладчика услышал список рекомендуемых для изучения поэтов, в котором не оказалось любимого им классика русской поэзии. Далее, вспоминая В.Сафонов, случилось следующее:

«– А Есенин где? – крикнул Рубцов через зал, ошарашивая оратора и слушателей. – Ты почему о Есенине умолчал? По какому праву?»

Тут и налетел на Колю коршун в обличье деятеля из ресторана, ухватил за пресловутый шарфик, повлек на выход. Противник всяческого насилия, Рубцов, задыхающийся от боли и гнева, попытался оттолкнуть интенданта, вырваться из его рук. Подскочила прислуга, при своих, что называется, свидетелях, составили протокол, который лег в основу грозного приказа об исключении¹².

На волне юбилейных торжеств (в декабре 1963 года праздновали тридцатилетие института) дело перенесли в товарищеский суд. В его решении было предложено восстановить Н.Рубцова в правах студента. Это и было сделано вернувшимся из больницы к юбилею института тогдашним ректором И.Н.Сергиным, который ограничился вынесением Н.Рубцову очередного строгого выговора с «последним предупреждением».

Н.Рубцов успел сдать весеннюю сессию за второй курс, получил отличный отзыв от руководителя творческого семинара Н.Н.Сидоренко, но в июне 1964 года при посещении ресторана ЦДЛ вновь оказался в центре скандала, обстоятельства которого подробно описаны в книге Н.Коняева «Николай Рубцов» (М., 2001, с.131-140).

Всё то, что произошло с Н.Рубцовым и его друзьями в ресторане ЦДЛ, разительно напоминает провокацию, устроенную 20 ноября 1923 года для четверки других русских поэтов – Сергея Есенина, Сергея Клычкова, Петра Орешина и Алексея Ганина. В тот день, находясь в кафе «Стойло Пегаса», в оживленной беседе они затронули вопрос о засыле людей, которые нигилистически относятся к богатейшему наследию русской культуры и однако берут на себя смелость быть «вершителями судеб» литературы послереволюционной России. Один из

сидевших в зале, сочувствующий Соввласти и РКП(б), некто Марк Родкин, подслушав разговор, громогласно обвинил поэтов в антисемитизме и вызвал милицию, которая забрала их в участок¹³.

Этот инцидент произошел после подписания Лениным составленного Я.Свердловым постановления об антисемитизме, по которому многие были арестованы и расстреляны. Дело об антисемитизме Есенина, Клычкова, Орешина и Ганина обрастало в Москве слухами и сопровождалось клеветническими фельетонами в московских газетах. Поэтов спасло лишь одно обстоятельство: среди них был популярный во всем народе Есенин. Власти ограничились товарищеским судом над четырьмя поэтами да угрозами запретить им заниматься литературной деятельностью... После суда истерзанный травлей Есенин был помещен в больницу. В ноябре 1924 года арестовали Ганина и 30 марта 1925 года расстреляли за руководство «орденом русских фашистов».

Примерно по такому же сценарию, как когда-то в кафе «Стойло Пегаса», развертывались события в ресторане ЦДЛ в июне 1964 года. Дело грозило обернуться для Н.Рубцова большими неприятностями. Он был вынужден написать заявление с просьбой перевести его на заочное отделение и уехал в Ниолу, к своей дочери.

В январе 1965 года Н.Рубцов был официально переведен на заочное отделение института. Диплом о высшем образовании он получил в 1969 году, защитив его сборником «Звезда полей».

(Окончание следует)

Примечания

- 1 Коняев Н. Николай Рубцов. М., 2001. С. 11
- 2 Иван Ильин о прошлом и будущем России // День. 1993. №12. Публ. Ю.И.Сохрякова.
- 3 Об этом упоминает Н.Коняев в книге «Николай Рубцов» // М., 2001. С.41.
- 4 Тютчев Ф.И. О вещая душа моя...// Тютчев Ф.И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С.192.
- 5 Глазунов И. Россия распятая.// Наш современник. 1996. №1. С.268.
- 6 Есенин С. Пускай ты выпита другим...// Сергей Есенин. Собр. соч. в 5-ти тт. Т.2. М., 1961. С.137.
- 7 Михайлов И. В «Нарвской заставе» // Воспоминания о Рубцове. Архангельск, 1983. С.85-87.
- 8 Есенин С. Собр. соч. в 5-ти тт. Т.2. М., 1961. С.219.
- 9 Судьба бытия – путь к философии. Интервью Ю.В.Мамлеева // Вопросы философии. 1992. №9. С.80-81.
- 10 Рачков А. Лицом к лицу // Воспоминания о Рубцове. Архангельск, 1983. С.140.
- 11 Коняев Н. Николай Рубцов... С.27.
- 12 Сафонов В. Николай Рубцов. Повесть памяти // Николай Рубцов. Россия, Русь! Храни себя...М., 1992. С.351.
- 13 См. об этом: Белоконов Ан. Дело четырех поэтов // Север.1993. №10. С.120-131.

□

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН.*

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжев были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.



ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1940 ГОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ



ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

**Людмила «ПРИШЛО РОМАШКОВОЕ
ЛАД ЛЕТО...», стихи (12+) 3**

ПРОЗА

**Елена У БАБУШКИ В ДЕРЕВНЕ,
ИАСТЛИВЦЕВА рассказ (12+) 4**

**Владислав СТОЛПНИК, (12+)
БАХРЕВСКИЙ повесть (окончание) 20**

**Ирина БЕЛКА; БУМАЖНЫЙ (12+)
ИВАСЬКОВА САКСОФОН, рассказы 102**

**Александр ОТГОЛОСКИ (12+)
КОЗИН (Из незабытого), повесть 110**

**НОВЫЕ ВРЕМЕНА; (12+)
СМЕРТЕЛЬНАЯ ВРАЖДА;
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ**

**Александр ФИЛОСОФА ФЕДОРОВА;
ТИТОВ КРЫЛЬЯ, рассказы 150**

ПОЭЗИЯ

**Вадимир «РАСПАХНЕТСЯ (12+)
ТРУСОВ НОВЫЙ ВЕК...» 66**

ПОЭЗИЯ

**Валерий «ПОВЕРЮ В ПОЗАБЫТУЮ
ПОЛАНД ПРИМЕТУ...» (12+) 91**

**Любовь «ЗЕМЛЕЙ ВОСКРЕСШЕЙ
КОЛЕСНИК СНОВА ПАХНЕТ...» (12+) 170**

**Владимир «И ШУМИТ ЗДЕСЬ (12+)
СОРОКАЖЕРДЬЕВ БЕРЕЗОВЫЙ САД...» 231**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**МИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ
Юрий НИКОЛАЯ РУБЦОВА
ДЮЖЕВ (окончание) (12+) 68**

ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ

**Константин УБИЙСТВО (12+)
ВАСИЛЬЕВ МИКЛУХИ-МАКЛАЙ 93**

**Литературный конкурс журнала «Север»
СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА**

**Денис «ПОЖАР ЗВЕЗДЫ ОКНО
ВАЛИН МОЕ СОГРЕЕТ...», стихи (12+) 145**

АНТОЛОГИЯ ЛИТЕРАТУРЫ КАРЕЛИИ

**Станислав (12+)
УМАНЕЦ «ОТКРЫТУЮ ДУШУ – КОМУ?...» 147**

ВОЛГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Юрий
ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск



Затянувшаяся на семь лет учеба в Литературном институте, при всех её взлетах и падениях, была полезной для Н.Рубцова. Всё это время он «крутился» в столичной писательской среде и получил богатый опыт общения с теми, кто определял «допуск» авторов на страницы журналов и в издательские планы. Он стал своим в кругу верных «русской идее» московских поэтов. Освоение вузовской программы по литературе и искусству, участие в различных творческих семинарах и дискуссиях, посещение театров и музеев, приобщение ко всему культурному богатству, накопленному столицей за века существования страны, – всё это расширило кругозор поэта. Готовясь к экзамену по истории русской литературы, Н.Рубцов приходил к Феликсу Кузнецову (будущему директору Института мировой литературы РАН), и эти импровизированные занятия превращались в разговоры о литературе, «о которой Николай мыслил точно и свежо»¹⁴.

Уже в первые два года учёбы в Литературном институте Н.Рубцов написал десятки новых стихотворений, в публикации которых ему непрерывно отказывали. Как это нередко бывает в жизни, помог случай. Заместителем главного редактора журнала «Октябрь» стал критик Дмитрий

Стариков (1931–1979), хороший знакомый Вадима Кожина. По рекомендации друга Д.Стариков прочитал стихи ранее неизвестного ему Н.Рубцова и опубликовал подборку из пяти стихотворений в очередном номере журнала («Октябрь», 1964, №8, с.130-132). В подборку были включены стихотворения Н.Рубцова «Звезда полей», «Взбегу на холм и упаду в траву», «Ночь на перевозе» («Осень кончилась – сильный ветер...»), «Хозяйка» («Как много желтых снимков на Руси...») и «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны». Это стало настоящим прорывом поэзии Н.Рубцова в большой мир советской литературы.

Начиная с 1961 года, редактировал журнал «Октябрь» В. Кочетов. Его врагами были либералы из журнала «Новый мир», а также неопочвенники и националисты, к которым он относил И.Глазунова и В.Солоухина. Чужды ему были идеалы прославившихся на вечерах в Политехническом музее поэтов Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Р.Рождественского, Б.Окуджавы с их лозунгом «мира без границ» и культовым обожествлением «революционеров» в политике и

искусстве В.Маяковского, В.Мейерхольда, Б.Брехта, Че Гевары.

Стихи Н.Рубцова прошли сито редакторского отбора потому, что они впрямую не относились ни к одному из названных выше литературных течений. В них не было присущей стихам А.Вознесенского и Е.Евтушенко апологетики Ленина как противника Сталина, отсутствовала характерная для стихов Б.Окуджавы романтизация Гражданской войны. К тому же «стихи Рубцова для «Октября» отбирал и «пробивал» там Владимир Максимов, который как раз в ту пору стал на короткий срок членом редколлегии этого журнала». ¹⁵ Это успокоило редактора «Октября», находившегося в постоянной полемике с «Новым миром» в отстаивании социалистического строя от либеральных «поползновений». «В «Октябре» ко мне отнеслись хорошо, – писал Н.Рубцов А.Яшину 22 августа 1964 года. – Стихи пошли через Кочетова. А.Д.Стариков (замредактора) старался тоже напечатать что-нибудь получше. В этой подборке есть тоже плохие места, но тут уж виноват я сам полностью и недоволен за это только собой».

Отдадим должное самокритичности Н.Рубцова, который слишком долго ждал всесоюзного признания и привык во всем винить самого себя. На самом деле проявившаяся в подборке стихотворений Н.Рубцова глубина философского мышления молодого поэта продолжает и сегодня удивлять поклонников его творчества. Он, как немногие другие поэты, осознал после Карибского кризиса 1962 года, насколько способен человеческий род к самоуничтожению в ядерной войне и экологической катастрофе. Опыт переживаний в связи с возможностью совершенно случайного коллективного самоубийства человечества невыносимой тяжестью лег на его поколение и на его стихи. Отсюда близкое к Н.А.Бердяеву отношение Н.Рубцова к прозе рационализма как лишь к болезни бытия. «Мы живем в греховном сне расщепленности, сне нашей злой воли, и сны наши постыдно прозаичны и скучны, – писал знаменитый русский философ в работе «Философия свободы». – Мистическая жизнь и есть как бы просыпанье к действительности, к реальности, к сущности... Я бы охотно назвал свою философию магическим реализмом или, точнее, мистическим реализмом; реализмом потому, что она требует от человека, чтобы он проснулся, а не заснул... Только безумные становятся мудрыми, постигают тайны... С трудом можно напомнить современным людям, что догматы – видения, встречи раскрываются лишь в мистическом озарении, что через них дан выход в мир иной».

В мистическом озарении герой написанного от первого лица стихотворения Н.Рубцова «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...» заглядывает в будущее России и не находит в нём торопливого шума весенних вод, гомона деревенских разговоров, «пенья и смеха на лужке»:

*Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.*

В следующем четверостишии образ «померкшей звездной люстры» усиливается видом «померкших полей» и «разрушенных белых церквей».

Свобода в понимании лирического героя ассоциируется с волей, а воля и судьба Отечества находятся в роковой зависимости от созданной руками человека случайности. В стихотворении возникает образ таинственной силы (божественной или космической, поскольку она находится «над нами»), на которую остается уповать в сложившейся ситуации. Но это неустойчивое чувство надежды растворяется в последующих видениях автора, который олицетворяет себя с «таинственным всадником», взирающим на опустошенных вселенским злом русских землях всеобщее безмолвие:

*Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.*

Здесь будет уместно сказать, что тема смерти (своей, но в большей степени – печальной судьбы России-матери) с годами всё больше занимала мысли и чувства Н.Рубцова. Вологжанин А.Рачков вспоминал, как встреча с Н.Рубцовым, после чтения стихов Тютчева, Фета, Пушкина, перешла в разговор о глубоком смысле строки из стихотворения А.Блока «Усталость», в которой говорится о «торжестве предсмертных мук».

«Николай ответил серьезно и очень спокойно:

– Теперь я испытываю, ощущаю это чувство в себе часто... Даже больше, чем хотелось бы это. Блок! Это Блок! ...У него всё ясно и просто:

*Россия-мать, как птица тужит
О детях, но – ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба».*

Так вот откуда у Рубцова (неволью подумалось мне): «Россия, Русь! Храни себя, храни».

Вот и в стихотворении «Я буду скакать по холмам

задремавшей отчизны...» Н.Рубцов через свои видения предупреждает о нависшей над отечеством тени полного уничтожения, о близости версии Страшного Суда. Он не представляет любимой им северной природы, лишенной человеческих существ, и не знает, кого винить в том, что жизнь людей превратилась в игрушку случая. Он чувствует свою беззащитность перед лицом роковых, созданных самими людьми, обстоятельств. Ему остается только напомнить людям, что их долгом и высшей ценностью является спасение планеты ради выживания человечества; что нельзя терять деятельной надежды на лучшее будущее:

*Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останьтесь, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!*

Человек в концепции Н.Рубцова неразрывно связан со всей окружающей действительностью и должен не властвовать над природой, а осознавать всю полноту ответственности за её судьбу. Это целостное видение человека и космоса (развитое в философии В.И.Вернадского) позволяет Н.Рубцову постигнуть сущность явлений какой-то способностью, отличною от чистого разума. Стихотворение «Ночь на перевозе», на первый взгляд, обращено к обыденному сознанию. Но объединенные в один поток приметы поздней осени («Безлюдье и мрак хвойных побережий, полей, болот»; «Болотная пленка воды замерзает при звездном свете») создают мистическую картину конца вселенной, где в результате неизбежного самоистребления не осталось людей, лишь их призраки витают во мгле:

*И один во всем околотке
выйдет бакенщик-великан
И во мгле
промелькнет
на лодке
Как последний из могикан.*

Стихотворение «Взбегу на холм и упаду в траву», написанное в 1962 году, тоже представляет собой «поток сознания», где вечное, вневременное соединяется с человеческой субъективностью и новым подходом к историческому знанию, которое у Н.Рубцова расширяется до интуиции, постигающей саму сущность жизни:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли*

*Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.*

Эти видения Н.Рубцова звучат с особенной силой спустя полвека после публикации стихотворения, когда в результате террористической атаки ИГИЛ («Исламского государства», запрещенного в России) в 2015 году был взорван над Синаем летевший из Египта российский пассажирский самолет и погибли более 250 граждан России. Под черными флагами террористы приблизились к границам России, и страна была вынуждена вмешаться в трагический ход событий в дружественной нам Сирии.

Вслед за Ф.Тютчевым Н.Рубцов обладал редкой способностью «за внешним покровом космоса видеть шевелящийся хаос»¹⁶, предчувствовать грядущие катастрофы для России, наступление «роковых минут» истории. «Наш национальный мистицизм XIX века, мистицизм Чаадаева, некоторых славянофилов, Достоевского, Вл. Соловьёва и других, – писал русский философ Н.А. Бердяев, – тем и ценен, что в нем так остро ставится проблема религиозного смысла истории, проблема Востока и Запада, проблема национального мессианизма, т.е. в пределе своем проблема апокалиптическая. Этой великой традиции и мы должны держаться, как бы далеко ни ушли от своих предшественников».

При всей субъективности «мистического реализма» стихов Н.Рубцова, связанных с восприятием судьбы России, он не ограничивается предчувствием конца истории и неизбежностью Апокалипсиса. Он чувствует личную ответственность за исторические судьбы русского народа и в стихотворении «Звезда полей» выражает почти славянофильскую веру в будущее отчизны. Ведь в минуты потрясений Н.Рубцов всегда вспоминает вечный свет звезды, которая «горит, не угасая, для всех тревожных жителей земли»:

*Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...*

Той же оптимистической нотой заканчивается стихотворение «Хозяйка» (позднее печаталось под названием «Русский огонёк»). Поначалу заблудившемуся в зимней тайге герою с его сильным чувством демонических и магических сил ок-

ружающий мир видится непонятным, иррациональным. Он словно выпадает из миропорядка, который представляется вечным:

*Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мертвом поле!*

Уже прощаясь с жизнью, замерзая, он не сразу признает в мелькнувшем в снежной пустыне «тихом свете» приметы человеческого жилья, полагая, что всё это – грезы и видения в его последние минуты жизни:

*Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу (последняя надежда!),
И услышал, отряхивая снег:
– Вот печь для вас и теплая одежда...*

И далее, по ходу знакомства с хозяйкой избы, развивается и мощно звучит присущая произведениям многих русских гениев тема христианского гуманизма: жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность, готовность перед Богом защищать человека. Как писал по этому поводу Н.А.Бердяев, «человечность остается одной из характерных русских черт, она относится к русской идее на вершинах её проявления».

В описании старой хранительницы семейного очага Н.Рубцову удается сохранить подлинность и чистоту вспыхнувшего в его сиротской душе сыновнего чувства. Перед читателем раскрывается жизнь русской женщины, пережившей войну, гибель родных и близких, безмерно уставшей от выпавших на её долю испытаний («в тусклом взгляде / жизни было мало»), но продолжающей верно хранить уже ставшие желтыми от времени фотографии ушедших из жизни, ибо «близких всех душа не позабудет». В глазах поэта она олицетворяет судьбу крестьянской России, а огонёк в её избе – символ русской идеи братства людей и русского искания всеобщего спасения, знак русской человечности:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя.*

На «русский огонёк» добра и великодушия, к своей дочери, поспешил Н.Рубцов после проис-

шедшего в июне инцидента в ресторане ЦДЛ и прожил в селе Никольское, с небольшими перерывами, почти полгода. «Здесь великолепные (или мне только кажется) холмы по обе стороны неширокой реки Толшмы, деревни на холмах (виды деревень), леса, небеса, – писал он А.Яшину 22 августа 1964 года. – У реки, вернее, над рекой, сразу у въезда в Николу (так здесь коротко называют село), под березами – разрушенная церковь. Тоже великолепная развалина! В этой местности когда-то я закончил семь классов (здесь для души моей родина), здесь мне нравится, и я провожу здесь уже второе лето». Он играл с маленькой дочкой, помогал её матери по хозяйству, а в свободное время любил купаться в реке, собирать землянику, смородину, бруснику и клюкву. «Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики! – с детской непосредственностью признавался он в том же письме А.Яшину. – Когда их много, рыжиков, они так и заманивают в лес! Я беспрерывно вижу их во сне и просто так, перед глазами: мерещатся». Отрезанный от соблазнов городской цивилизации, Н.Рубцов много и плодотворно работал. Он сообщил А.Яшину, что за полтора месяца написал около сорока стихотворений, что в поэзии больше всего ценит «лиризм, естественность, звучность».

Кроме рассказа о красотах «лесной жизни» есть в письме А.Яшину упоминание о подборке в журнале «Юность» (1964, №6, с.6), куда вошли стихотворения «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «Я забыл, как лошадь запрягают...», «Загородил мою дорогу...», «Улетели листья». Хотя для любого другого поэта публикация в «Юности», да еще с портретом автора, была бы праздником, Н.Рубцов был недоволен как подбором стихотворений, так и редакторской правкой и писал А.Яшину: «Подборка в «Юности» никуда не годится. Я не согласился бы печатать её, если б в это лето мне не очень потребовались деньги. Да еще так отредактировали кое-какие места. Вместо «суда гудели, надрывались» напечатали «суда гудели, надрываясь». В результате и рифма стала безвкусной, и слово «надрывались» потеряло ударное значение. «И дул в лицо им мокрый норд» – не моя строчка. Как легко было строчку эту сделать лучше, вдобавок избежать «им мокрый»! А из стихотворения «Загородил мою дорогу грузовика широкий зад» после поправок получилось нечто вроде блокнотной записи».

Всё это говорит о высокой требовательности Н.Рубцова к своим стихам. Его возмущало, что из предложенной журналу «Юность» рукописи отобраны стихи, которые уже давно были напи-

саны и ныне не отвечали его представлениям о настоящей поэзии.

К этому времени у Н.Рубцова были уже написаны десятки стихотворений, которые «по уровню своей поэтической зрелости могли стать классической русской поэзией»¹⁷. В феврале-марте 1964 года Н.Рубцов сам на машинке отпечатал рукопись и послал её в Архангельск, в Северо-Западное книжное издательство. В будущей книге он рассчитывал опубликовать лучшие свои стихотворения. В октябре 1964 года Н.Рубцов на короткое время вырвался из деревни, побывал в Вологде, где читал стихи на собрании вологодских писателей, и поехал в Архангельск узнать о судьбе рукописи. «В кабинет вошел молодой человек с худощавым болезненно-серым лицом, молча опустился на диван, в смущении потирая руки и время от времени глуховато покашливая, – вспоминал директор издательства Б. Пономарев. – Мы, издательские работники, расспросили Николая о его жизни и поняли, что он оказался в стесненном положении. С автором был заключен договор и выдан ему аванс. Довольный поэт уехал в село Никольское».

«Довольным» отношением к нему Северо-Западного книжного издательства Н.Рубцов оставался до того момента, как получил экземпляр книги «Лирика» (Архангельск, 1965. 40 с.) и остаток в виде 40 процентов причитавшегося ему гонорара в размере 29 рублей. Из предложенных издательству стихотворений была отобрана четвертая часть, причем все исключенные издательством из рукописи «Лирика» произведения позднее были одобрены издательством «Советский писатель» и включены в книгу «Звезда полей» (1967). В письме А.Яшину от 19 ноября 1965 года Н.Рубцов жаловался, что «неожиданно для меня решили оплатить не все строчки, а только, видимо, рифмованные... Ведь дело-то все-таки не в рифмах, а в строках! Рифма – лишь художественное средство, которое я могу использовать, могу и не использовать... Я бы плюнул на все это дело, но суть в том, что, уезжая в эту деревенскую глушь, я рассчитывал на эти средства и строил в связи с ними кое-какие планы. Теперь они рухнули. Я ведь не миллионер».

Сам Н.Рубцов был готов довольствоваться малым, но на его попечении во время жизни в Никольском была дочь, а работа в колхозе её матери Гертруды (которую поэт звал Гетой) и бабушки приносила мало доходов. Приходилось зарабатывать продажей брусники и клюквы, ходить в лес рубить дрова, посылать в районную газету стихи и прозаические зарисовки. Всего в тотемс-

кой газете «Ленинское знамя» Рубцов опубликовал в 1964–1965 годах около двадцати стихотворений, в том числе «Сапоги мои скрип да скрип...», «Родная деревня», «На реке», «Гроза», «Горница», «Прощальный костер» и другие. Старались помочь Н.Рубцову друзья и почитатели его таланта. Земляк поэта Ф.Кузнецов (его отец в прошлом был директором Тотемской средней школы) отнес стихи в журнал «Сельская молодежь», в газету «Известия» и в «Литературную Россию», посвятил творчеству Н.Рубцова львиную долю редактировавшегося им во время работы на Всесоюзном радио альманаха «Поэзия». С.Куняев «пробивал» стихи Н.Рубцова на страницы журнала «Знамя». А.Передреев рекомендовал поэзию друга редакции журнала «Молодая гвардия». В результате такого мощного «залпа» публикаций Н.Рубцов, по словам Ф.Кузнецова, «очень быстро, буквально за считаное число месяцев стал знаменитым» и заключил договор с издательством «Советский писатель» на книгу «Звезда полей», поддержанную Егором Исаевым: «Помню, как, получив по этому договору аванс, свой первый, как ему казалось, очень большой гонорар, Коля приехал ко мне домой и, показав пачку денег, сказал:

– Все, начинаю новую жизнь.

– И как же ты её мыслишь?

– Куплю корову. Гета и теща будут довольны. Буду жить в деревне, писать стихи. Приезжать в Москву только на экзамены».

Корову Н.Рубцов так и не купил, но в опубликованном журналом «Октябрь» (1965, №10, С.76-78) большом цикле стихотворений явственное преимущество получили стихи о природе и людях северной русской деревни. Здесь появилось знаменитое стихотворение «Тихая моя родина», обозначившее целый пласт русской поэзии под термином «тихая лирика». Посвященное Василию Белову, это стихотворение открыто заявляло о близости творческой позиции Н.Рубцова убеждениям Ф.Абрамова, В.Белова, А. Яшина. В их прозе и поэзии о судьбах северной деревни на первый план в 1960-е годы вышли сочувствие к столь много испытавшему русскому народу, правдоискательство, глубокое проникновение в тайники крестьянской души, печаль по утрачиваемым национальным ценностям и идеалам. Их произведения были наполнены глубоким нравственным смыслом таких понятий, как совесть и милосердие.

Лирическому герою стихотворения «Тихая моя родина» присуще смиренномудрие – одна из самых главных добродетелей в христианской жиз-

ни, которая проявляется в том, что человек в любых обстоятельствах пребывает в мире с собой и Богом. И хотя сам автор не был крещен и его отношения с православной Церковью остались не выясненными до конца его жизни, герой его стихотворения по своему восприятию жизни, образу мыслей, по глубине сердечного чувства близок верующему человеку. И если Христос обращался к своим ученикам: «Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф, 11, 28-29), то этот же образ мысли, соответствующий смиренномудрию, пронизывает стихотворение «Тихая моя родина»:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Здесь моя мать похоронена
В детские годы мои.
– Где же погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. –
Тихо ответили жители:
– Это на том берегу.
Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.*

Ищущий могилу своей матери лирический герой поистине «кроток и смирен сердцем». В стихотворении возникает религиозный мотив радости и умиления перед раскрывающейся взору духовной красотой мира. Это преклонение перед «тихой родиной» не похоже на прекраснодушное забвение «родимых пятен» на лице родной земли. Поэт замечает и порушенную церковную обитель, и заросшую тиной в результате бездумно прорытого канала любимую речку. Но эти брошенные вскользь примеры косности и равнодушия к природе не влияют на утверждение ценности и осмысленности русского бытия:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Всего в журнале «Октябрь» были опубликованы восемь стихотворений Н.Рубцова, в их числе: «Память матери» («Вот он и кончился, покой!...»); «На вокзале» («Закатилось солнце за вагоны...»); «Сапоги мои – скрип да скрип...»; «Мне лошадь встретилась в кустах...»; «Добрый Филя»; «Утро» («Когда заря, светясь по сосняку...»); «Тихая моя родина!...»; «О чём шумят друзья мои, поэты...». Все

они объединены «взглядом из деревни» поэта, который по-иному вспоминает шумливые сходки городских собратьев по перу («Они кричат, / они руками машут...»). Отсюда, из вологодских лесов, странными кажутся их споры о том, кто «крепче и полезней»: Маяковский с его «Левым маршем» или «негромкие есенинские песни». Здесь, среди простого народа, слушая «весёлое пенье» жаворонка в «небе поднебесном», Н.Рубцов понимает, что жизнь намного богаче литературных дискуссий, что важнее споров непосредственное переживание непреходящей красоты мира, таинственно заключенной в некоем гармоническом ладе вещей, в универсальной связи мира, о чем с поэтической точностью писал Тютчев:

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдет!*

Судя по написанным в деревне стихам, Н.Рубцову близка мифологема «Великая Мать – земля», присущая древним языческим культам Греции и Востока и христианскому почвенничеству Ф.Достоевского. В стихотворении «Памяти матери» лирический герой чувствует себя в засыпанной снегом глухой деревне забытым и потерянным среди хаоса вьюги, воя волков за рекой «во мраке луга». Ему кажется, что он погружается в небытие и что «его сведут с ума ночные ветры!». Спасение приходит, когда в его памяти всплывает лик умершей матери, представляющейся ему в минуты творящегося за порогом избы хаоса олицетворением блага, истины, красоты. Он готов к её могиле «по доброй воле / пробить дорогу сквозь пургу / в зверином поле!». Он верит, что материнская любовь мистическим образом (не исключая появления её призрака в избе, как это было в стихотворении Н.Клюева «Четыре вдовички к усопшей пришли...») поможет преодолеть одиночество, спасет от натиска сил зла:

*Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь –
Ночные ветры?*

Восприятие образа Матери-земли у Н.Рубцова роднилось с благоговейным отношением верующих людей к пресвятой Богородице. Ценность и смысл мира поэт видел в воспевании смысловой наполненности и гармонической сообразности мироздания. В стихотворении «Утро» каждая деталь деревенской жизни вкупе с картиной пробуждения природы превращают земное существование русского человека в наполненный смыслом символ причастности к горизонту божественного бытия:

*Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, –
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверно, другую...*

Н.Рубцов обладал даром непосредственного переживания непреходящей красоты, таинственно заключенной в окружающем его мире. На почве этого чувства выросло почти религиозное желание воздать должное этой красоте, восславить окружающую человека живую реальность. Предчувствие мистического Апокалипсиса, постоянно жившее в его душе, лишь обостряло стремление еще и еще раз воспеть «Великую Матерь – землю», осмысленность и ценность существования природы и человека.

Уставший во время городской жизни от постоянных конфликтов с внешним миром, от собственной неустроенности и необходимости постоянно бороться с трудностями, Н.Рубцов находит себе утешение в грезах и фантазиях о возможности наладить жизнь в соединении с огромным и добрым царством природы, – подобно герою стихотворения «Добрый Филя». Этот крестьянин из лесного хуторка, «задремавшего счастливо меж звериных дорог», живет «в избе деревянной / без претензий и льгот». Отсутствие газа и ванны не мешает постоянному ощущению в его душе радости и мира, поскольку, как и его предки, добрый Филя полагает, что всеми его действиями и поступками руководит как бы сама природа, а она никогда не ошибается. Такое миропонимание было у героев античной поэзии, основанной на отражении бытия как природы, такое же – у героя стихотворения Н.Рубцова:

*Филя любит скотину,
Ест любую еду.
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя! Что молчаливый?
– А о чём говорить?*

Если заменить в этом стихотворении Филю на Колю, то получится, что стихотворение носит автобиографический характер и, написанное в 1960 году, отражает тот период его жизни, когда он еще не противопоставлял себя миру, не ощущал реальный разрыв с ним. Но написанные без иронии две строки из финального четверостишия («Мир такое справедливый, / даже нечего крыть») говорят, что уже тогда Н.Рубцов стал удаляться от единства и согласия с бытием, что для себя он уже сделал выбор между пассивной, долгой жизнью и жизнью активной, наполненной «мучением страстей».

Есть письменные свидетельства, что Н.Рубцов сознавал тривиальность современной ему деревенской действительности. В письме Ф.Кузнецову от 20 ноября 1965 года есть такие строки: «Живу тихо, но не настолько спокойно, как это некоторые могут подумать, представляя деревню. Нет. Где люди – там нет покоя. Пусть только два двора будут стоять посреди огромной тайги – но и тогда все равно будут происходить драмы, вплоть до самых ужасных трагедий». Но само разочарование, вызванное влиянием внешних обстоятельств, становится у Н.Рубцова источником стремления к прекрасному, укрепляет в поэте идею возвращения человека к естественным законам природы. Этим объясняется прославление целительной силы вечно живой природы в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип...»:

*Сапоги мои – скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои – скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой – гриб,
Подберезовик,
И под каждой осиною – гриб,
Подосиновик.*

Характерная черта этого стихотворения – музыкальное единство чувства и языка. Этот романтический прием создания определенного настроения помогает сформировать сказочно-радостную атмосферу стихотворения. И вот уже

тии и т.д. Как правило, объем первой книги поэта не превышал одного печатного листа, а гонорар ему платили по самой низкой ставке. Всё это пришлось пройти Н.Рубцову, и можно понять высказанное им в письме А.Яшину недовольство малым объёмом сборника, невысокой оплатой. Вместе с тем не следует принижать значение первой книги поэта, как это делают до сих пор исследователи его творчества, указывая лишь дату издания «Лирики» Н.Рубцова. Книга эта ввела стихи Н.Рубцова в контекст русской поэзии Севера, в которой, начиная с Ломоносова и Батюшкова, Клюева и Ганина, доминировали пафос сознания органической связи личности с русской нацией, чувства гражданского, патриотического и общечеловеческого долга.

Из включенных в книгу «Лирика» стихотворений большая часть тематически была связана с романтическим культом северной природы, как и с представлением о живущих на селе северянах как о «детях природы». Любовь автора к родной земле Русского Севера исполнена такой любви и страсти, что она создает собственную архитектуру стихотворения, стержнем которой является авторское убеждение, что всё в природе имеет для человека высокий духовный смысл.

Стихотворение «У сгнившей лесной избушки...» начинается со знакомства с лирическим героем, которому больше всего нравится «собирать волнушки / на склоне осеннего дня». Но стоит человеку оторвать взгляд от земли, и мир предстает перед ним в своей первозданной красоте. Он видит полет журавлей «под куполом светлых небес», слышит, как «с дерева с легким свистом / слетает прохладный лист» и шуршит осока под плывущей по каналу лодкой. Всё кругом – «и холодно так, и чисто»:

*И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одиноких стая
Под куполом светлых небес...*

Оставшись наедине с лесом, человек осознает свою первородную свободу и вместе с ней понимание того, что он является лишь частью природного круговорота вещей, что всё тленно в жизни, всё отрицает вечность. И вместе с тем к нему приходит мысль, что достигнутая на природе в момент озарения душевная гармония (как духовная, так и физическая) – это сама жизнь со всей её полнокровностью.

Для Н.Рубцова родная деревня, родной дом столь же душевно дороги, как и для автора повес-

ти «Привычное дело» («Север», 1966, №1) В.Белова, для которого «по своей значимости «родной дом» находится в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть и жизнь, добро и зло, Бог, совесть, родина, земля, мать и отец». Оба автора после демобилизации работали на заводах, окончили вечернюю школу и поступили учиться в Литературный институт им. Горького (В.Белов – в 1959-м, Н.Рубцов – в 1962 г.). Оба в юности уехали искать счастье в дальние края и вернулись домой. С высоты обретенного опыта Н.Рубцов пишет стихотворение «Родная деревня», где советует «пылким мальчишкам» и девчонкам не торопиться покидать родные края:

*Хотя проклинает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!*

Включенные в первую книгу Н.Рубцова (и проанализированные нами ранее) стихотворения «Русский огонёк», «Загородил мою дорогу...», «Старый конь», «Тихая моя родина» (с посвящением В.Белову) рисуют крестьянский мир в его целостности с уважением к духовным и нравственным ценностям народа.

Вместе с В.Беловым Н. Рубцов в единый сплав народной жизни включает труд на родной земле не по принуждению, а по призванию, когда работа из осознанной необходимости превращается в нечто приятное и естественное, приносит радость людям. Человек на земле, по убеждению обоих писателей, был благодарен земле, кормившей, поившей и нежившей его. Стихотворение Н.Рубцова «На сенокосе» заканчивается описанием праздничного настроения сельчан после окончания летних работ на лугу: «И слышен смех / в тени под ветками, / и песни русские слышны». Красота старинной песни и творческий труд органически сливаются воедино.

Герои В.Белова и Н.Рубцова безмерно любят родной очаг, вокруг которого собираются родные и близкие. Они верят, что под крышей родимого дома встретят доброту и терпимость, а в окружающем мире – дружбу между людьми, гармонию и спокойствие в обществе. «Каждое утро на протяжении многих веков, – писал В.Белов, – возникает в печи огонь, чтобы греть, кормить, утешать и лечить русского человека: с этим огнём связана вся его жизнь... И если есть в мире слияние незримого и физически ощутимого, то пример родного очага идеальный для такого слияния». Такие же чувства испытывал и Н. Рубцов,

когда возвращался из столицы в Ни́колу и топил печь. «Удивительно хорошо в деревне! – писал он А.Яшину 25 сентября 1964 года. – В любую погоду. Самая ненастная погода не портит мне здесь настроение». В стихотворении «Ось» он вспоминает, как до поры до времени любил странствовать, «куда хотел, туда и мчал»:

*Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть, –
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,
И вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!..*

Даже из воспоминаний о детстве, о своей сиротской жизни Н.Рубцов для стихотворения «Помню, как тропкой, едва заметной...»¹⁸ отбирает самые светлые впечатления, связанные с рыбалкой на речке, «где мы с острогой ходили летом / ловить налимов», а потом купались до изнеможения, «смотрели в небо, и небо тоже / глазами звезд / на нас смотрело».

По поводу этого стихотворения, впервые опубликованного в 1960 году под названием «Воспоминание», у Н.Рубцова тогда же разгорелась дискуссия с ленинградским поэтом Германом Гоппе. Прочитав его отзыв, Н.Рубцов отвечал в марте 1960 года:

«Вы пишете, что на Вас странное впечатление произвело стихотворение «Воспоминание». А мне, хочу признаться, странным кажется Ваше впечатление. Что искусственного в том, что первые раздумья о родине связаны в моих воспоминаниях с ловлей налимов, с теми летними вечерами, какие описаны в стихотворении?»

Я чувствую, что люблю свою деревню, реку, где можно ловить налимов, где полощется заря и отражаются кусты смородины, люблю всё, что вижу вокруг, и, грешен, не подозревал, что эта любовь неестественна, поскольку она не связана с такими понятиями, как «целина», «спутник», «борьба за мир», «семилетний план».

Вы говорите: «Стихи очень традиционны». Согласен. Но этот грех наполовину не мой. Когда-то, читая стихи в газетах, я убедился и был убежден до последнего времени, что кроме поэзии так называемой «ура-патриотической» у нас никакая поэзия не принимается. Позднее я стал печататься в газете «На страже Заполярья» – газете Северного флота... Не только там, и в некоторых других газетах шаблон, казенщина, можно сказать, узакони-

вается... А что мы, флотские поэты, делали? Часто делали? ...Брали готовую, казенную мысль и терпеливо протаскивали ее сквозь весь свой лексикон, надеясь, что она, чужая мысль, обрастет новыми словами. Но, как ни трепыхайся, будешь все равно бессилён перед законами природы: чужая мысль – чужое слово, твоя мысль – твои слова! А твои мысли, твои слова только в твоей жизни. Коли есть талант, воспой не то, что тебе предлагают, а то, что видишь ты, что слышишь ты, что чувствуешь ты, чем живешь ты».

Таким оставался Н.Рубцов и в своей любовной лирике, где природа перестает быть таинственной, непознаваемой для человека, но оказывается необходимым его спутником, участником горестей и радостей, порой прямым выразителем мыслей и настроений поэта. В стихотворении «Соловьи» пением птиц «затоплена ночь», «не шумят тополя», «закатился закат», и всё это отражает грустное настроение лирического героя, который с болью вспоминает о последнем разговоре с любимой девушкой на окраине села, когда она пришла на свидание с отслужившим три года на флоте моряком и сказала: «Прости». Боль от измены любимой была такова, что герой чувствовал себя человеком, которого «смыло за борт». Спустя годы он вновь «в трудный час, когда ветер полощет зарю», идет слушать пение соловьев, шум тополей и ждет, что природа поможет залечить полученную в юности душевную травму, даст ответ на вопрос, правда ли, «что любовь не вернуть, / как нельзя отыскать / отвихрившийся след корабля?».

В стихотворении «Букет» непосредственность любовного чувства сопряжена с проходящим через всю лирику поэта напряжением в восприятии реального и идеального образа любимой:

*Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.*

После такого романтического вступления можно ожидать развития темы «прекрасной Незнакомки». Но пережитая поэтом в юности душевная травма (измена любимой девушки) приводит его к пониманию, что идеальное и реальное, как две линии, исходят из одного угла. Он мечтает подарить букет некоей идеальной девушке, но, как выясняется, в реальной жизни она совсем не является воплощением чистой духовности, а

воспринимает мир в его чувственной форме. Потому она далека от идеального склада мироощущения влюбленного в неё поэта и проходит мимо него, «не поднимая глаз, / не улыбнувшись даже...». Спустя годы герой начинает осознавать свои юношеские ошибки, понимать единство двух сторон в любовном чувстве: духовного содержания и его чувственного воплощения. Достигнув внутренней гармонии, он вновь намерен нарвать букет цветов, чтобы его взяла «та девушка, которую люблю».

По воспоминаниям Ф.Кузнецова, Н.Рубцов «был соткан из противоречий, был трудным, сложным и очень колючим человеком. Однако при всей, казалось бы, непредсказуемости его «колючесть» была мотивированной и адресной. Он был очень тонким, прекрасно чувствовавшим людей человеком».

Романтическая приподнятость стихов о жизни Н.Рубцова в селе Никольском, отобранных редактором книги «Лирика» А.Левушкиным, конечно же, не отражала полностью отношение поэта к деревенской жизни. В письме к А.Яшину от 19 ноября 1965 года он писал об «очень привлекательных свойствах» сельских жителей, что не мешало ему вспомнить слова С.Есенина: «Нет любви ни к деревне, ни к городу...» и добавить: «Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трех бытовых понятий или обстоятельств... Особенно не люблю тех женщин, которые вечно прибедряются, вечно жалуются на что-то, вечно у которых кто-то виноват, и виноват настолько, что они рады бы стереть его с лица земли... Кажется, от «толстовства» в деревне и следа не осталось». Частично такие настроения поэта отражены в стихотворении «Фальшивая колода». Действие его происходит ранним утром на берегу реки, в ожидании парома. Направляющийся в родную деревню герой нетерпелив в ожидании перевозчика («Когда же, когда же // отчалит проклятый паром?»). Его успокаивает и приводит в восхищение только красота утренней зари («Взлетел раскаленный, / светящийся солнечный шар!»). И в этот момент духовного единства с природой всё настроение тонко чувствующего красота человека рушится от заведенного несколькими пассажирами парома «глухого разговора о хлебе, о ценах, / о смысле какой-то проблемы». Спаситься от таких разговоров на общую тему «среди молодых, но уже разжиревших людей», удастся только после швартовки парома к причалу:

*Сошел я с парома
И сразу направился прямо
Дорогой, лесами,
Дорогой, полями...*

В который раз общение с природой спасает поэта от «фальшивой» жизни, потерявшей перспективу.

Н.Рубцов жил и творил в закрытом обществе, где существовала система указаний, где мораль выступала в форме подавления, принуждения ради выполнения долга и подчинения индивида обществу. Судя по многим высказываниям поэта, он видел безотрадную картину «разумных» начал советского образа жизни. Поэтому в своей поэзии он искал каких-то иных идеалов и видел их в возврате к простоте, аскетизму, к нравственным нормам православного мистицизма. Для Н.Рубцова единственной его собственностью было обладание свободной волей. Мистический опыт поэта развивался в ощущении всеобщности и единения со всеми людьми. В его стихах господствовало настроение миролюбия, ухода от критики «болевых точек» современного ему «массового общества». Это настроение достигалось через погружение в себя, отрешение от будничных забот. В эти минуты вдохновения возникали спокойная уверенность в своем призвании и духовный подъём, вера в своё личное (и человечества) бессмертие. В стихотворении «Мачты», включенном в книгу «Лирика», Н. Рубцов касался своих раздумий о сущности и судьбе человека при созерцании «звезд над бездной»:

*Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забвенье,
Будто всё начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.
Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется – нет забвенья!
Всё я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.*

Казалось бы, в стихотворении «Осенняя песня» превалируют грустные краски поздней осени:

*Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался –
Эх – осенний поток!
По дороге неслись*

*Сумасшедшие листья,
И порой раздавался
Пароходный свисток...*

Но ощущение свободы и творческого подъёма не оставляет поэта. Поэтому он не испытывает и в непогоду потерянности и страха. Ведь он уже нашёл своё призвание и руководствуется характерным для русского человека «безотчетным стремлением отдавать всего себя какому-либо святому делу»¹⁹. Для него таким «святым делом» является Поэзия, служение которой даёт ощущение правильно избранного им жизненного пути:

*Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
неплохой человек.*

Н.Рубцов дорожил верой в бессмертие души и одним из доказательств тому считал бессмертие творческого наследия поэтов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, художника Левитана, которым он посвятил включенные в книгу «Лирика» стихотворения «О Пушкине», «Дуэль», «Приезд Тютчева» и «Левитан». Пушкина Н.Рубцов называл «зеркалом русской стихии»; Лермонтова – человеком, который «молча верил / в смертный рок»; Ф.Тютчева – поэтом, который «блистал, как сын природы, / играя взглядом и умом». Издательство включило в сборник эти далеко не лучшие стихи Н.Рубцова с одной целью – оправдать перед цензурой и в партийных кругах области своё внимание к молодому поэту как продолжателю традиций русского искусства (что и было на самом деле). Ещё одним доводом в защиту автора было его рабочее происхождение и крепкая армейская закалка, что было подчеркнуто включением в сборник стихотворения «Я весь в мазуте, весь в тавоте...».

Работа над книгой продолжалась два года, и за это время Н.Рубцовым были написаны уже десятки других стихотворений, которые внесли в поэзию новые мотивы и образы. Как показало включенное в книгу «Лирика» стихотворение «Утро утраты», Н.Рубцов обладал неповторимым художественным видением. Судя по стихотворению «Стихи из дома гонят нас», для него поэзия была сродни зимним выюгам («Кто может их остановить?») и восходу солнца («Кто может средство отыскать, / чтоб задержать его восход?»).

Вот так поэзия, она

*Звенит – её не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.*

Для Н.Рубцова природа и родная земля были мерой всего, истоком жизни человека и народа. Это он стремился показать в своей первой книге, хотя после её выхода признавался в письме В.Елесину: «Конечно, тут далеко не все, на что я способен». Отвечая, В. Елесин высоко отозвался о книге и сделал несколько замечаний. Уже 24 октября он получил письмо от Н.Рубцова:

«Я рад, что книжечка моя тебе в общем-то понравилась. С твоими дружескими (очень уж скромными) замечаниями я согласен. Да, есть у меня пристрастие к восклицательным знакам. Ставить их где надо и не надо. Ну, а насчет того, что колокол под дугой звенеть не может, даже «легонечко», когда лошадь идет шагом, – это, Вася, плод твоей великолепной фантазии. Сейчас вот бабки говорят: «Колокольчик на любой животине всегда звенит». Да и как ему не звенеть, если дороженьки-то наши настолько ухабилены, Вася, что тут и дуга, и оглобли, и груз, не только колокольчик – всё запоет».

В том же месяце, 30 октября, В.Елесин опубликовал в тотемской районной газете «Ленинское знамя» рецензию на книгу Н.Рубцова с символическим названием «И песни русские слышны». Откликнулась на выход «Лирики» газета «Вологодский комсомолец», поместив на своих страницах 5 декабря отзыв Ю.Ратникова «Песня жаворонка». Поддержала успешный творческий дебют поэта и «Литературная газета». В статье «Честь быть человеком», опубликованной 14 декабря 1965 года, Марк Соболев писал: «Рядом с именами поэтов, которых я давно знаю и люблю, встало новое для меня имя: Николай Рубцов. Это имя стоит запомнить. В каждом стихотворении... слышен очень чистый «земной голос» поэта. Его лирический герой неотторжим от родной земли, от друзей, от сограждан...» Доброе слово о поэзии Н.Рубцова и его книге «Лирика» сказал петрозаводский поэт Юрий Линник в журнале «Север» (1966, №3, с.124-125).

Однако чувство неудовлетворенности не оставляло Н.Рубцова. На книге «Лирика», подаренной А.Яшину, автор сделал надпись: «Дорогим и прекрасным Александру Яковлевичу и Злате Константиновне с глубокой любовью от автора. С просьбой не читать зачеркнутые стихи. 13.2.66 г.». Всего рукой Н.Рубцова в книге «Лирика», по свиде-

тельству Н.Яшиной, «девять стихотворений из двадцати пяти целиком перечеркнуты».

Впоследствии Н.Рубцов в три составленных им ещё при жизни стихотворных сборника не включал из книги «Лирика» стихотворения «О Пушкине», «Дуэль», «Левитан», «Фальшивая колода», «Помню, как тропкой едва заметной...», «О чем шумят друзья мои, поэты...», «Букет».

Всё внимание Н.Рубцова теперь было сосредоточено на книге «Звезда полей», рукопись которой он передал в издательство «Советский писатель» еще в 1964 году. Рукопись, к редактированию которой приступил московский поэт В.К.Семакин, включала десятки стихотворений, которые были написаны Н.Рубцовым в первой половине 1960-х годов. Среди них были знакомые по сборнику «Волны и скалы» стихи «Взбегу на холм и упаду в траву...», «Эх, коня да удаль азиата...», «Элегия», а также два цикла стихотворений, опубликованных в журнале «Октябрь» в 1964–1965 годах. Были представлены автором на рассмотрение издательства и стихотворения из книги «Лирика» («Тихая моя родина», «Русский огонек», «Родная деревня», «Утро», «Приезд Тютчева», «Мачты», «Осенняя песня», «Загородил мою дорогу...», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...»).

В процессе работы с издательством Н.Рубцов внимательно относился к замечаниям редактора и к составу сборника. Знакомые читателю по прежним публикациям стихотворения обрели новые краски, глубину и объёмность повествования, чтобы подчеркнуть ту масштабность, с которой автор подходит к жизни, к человеку, к миру. Одновременно Н.Рубцов приносил стопки новых своих стихотворений, которые были написаны в самое последнее время, и они сразу шли в работу. Так продолжалось два с лишним года, прежде чем в апреле 1967 года книга «Звезда полей» вышла из печати и стала продаваться в Москве.

Все эти годы Н.Рубцов вёл кочевой образ жизни. В Москву он приезжал для сдачи экзаменов за очередной курс Литературного института и жил то в общежитии (откуда его постоянно выгоняли), то у друзей и знакомых. Потом он возвращался в Вологду и по линии местного Союза писателей выступал в районах с чтением своих стихов. Жил на редкие гонорары, которые получал от публикаций стихов в местных, в том числе районных, газетах. Долгое время не был нигде прописан, пока при поддержке вологодской писательской организации не получил место в общежитии, в комнате на троих. Личная жизнь не складывалась. «Чувствую себя изгнанником», – писал Н.Рубцов в начале 1966 года А.А.Романову.

Изгнанником чувствовала себя и его поэзия, которую не замечали создатели очередной «Истории русской советской литературы» (в 4-х томах, 1917–1965 гг.). Во втором издании этого академического труда (М., 1971) образцами «литературы молодых» в области поэзии во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х годов назывались «стихи и поэмы Е.Евтушенко, А.Вознесенского, Р.Рождественского, Б.Ахмадулиной, Н.Матвеевой, Р.Казаковой, Е.Исаева, В.Цыбина, Б.Окуджавы».

Объяснить такую «формулу умолчания» стало возможным после выхода в свет книги «Звезда полей». Оказалось, что поэзию Н.Рубцова невозможно уложить в прокрустово ложе общепринятых направлений в советской поэзии. Она не подходила к представлениям об «интеллектуальной лирике» (П.Антокольский, Н.Заболоцкий, А.Тарковский, В.Шефнер) и «эстрадной поэзии» (Е.Евтушенко, А.Вознесенский). Даже «деревенской» лирикой (А.Яшин, С.Викулов, В.Солоухин, В.Цыбин) назвать её было затруднительно. Что же касается понятия «тихая лирика», то оно В.Кожинным было названо «неоправданным», поскольку «к основным стихам Н.Рубцова оно явно не применимо». И далее В.Кожин утверждал, что «истинное существо поэзии Николая Рубцова – в воплощении слияния человека и мира».

Всё это было бы правильным, если не учитывать, что социалистический мир, в котором Н.Рубцов жил, был чужд поэту своим рационализмом, непониманием, что главное в культуре – творчество, что поэт, который проникается формулами социалистического реализма, уже не способен к созиданию, к поиску «философского камня» поэзии. Питаясь великими традициями русской поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина, Н.Рубцов не мог не почувствовать, что всё гениальное в мысли и слове продолжает линию вселенской культуры на противоборство с рационализмом, который обесмысливает творчество.

Русский философ В.Ф.Эрн писал в 1911 году о кризисе современности, уже вступившем в фазу всемирно-исторической углубленности, о ясно обозначившейся борьбе культуры (погибающей в подделках) против цивилизации (которая уничтожает «инстинктивную мудрость Природы как Сущего») и говорил об участии истинных творцов: «Гений нашего времени стоит спиной к современности... Корни гения всегда уходят в мистические глубины Сущего».

Авторы изданных при советской власти статей и книг о поэзии Н.Рубцова в целях защиты автора

от нападок цензуры обычно утверждали, что «патриотизм и гражданственность – это ее глубинная сущность»²⁰. При этом упускалось из виду, что гражданственность при жизни Н.Рубцова понималась упрощенно. Как показал разговор «за круглым столом» в сборнике «День поэзии» 1967 года, её неизменными элементами были «определенность классовых позиций, общественная активность, возвышение человеческой личности в самых различных сферах духовной и нравственной жизни».

Что же касается Н.Рубцова, то в его понимании «поэтами не являются те авторы, которые создают абстрактные понятия или образы прекрасного». Поэтами он называл «носителей и выразителей поэзии, существующей в самой жизни – в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта». «Плодотворным» для него был путь поэзии «через личные, глубоко индивидуальные переживания, настроения, раздумья... Переживания должны быть действительно глубокими, мысли – действительно сильными, настроения – действительно яркими. Только на этой почве произрастают цветы поэзии. К сожалению, они, как подснежники, еще бывают занесены холодным снегом декларативности, рационализма...».

В стихах из книги «Звезда полей» нет звучавших в 1960-е годы в дискуссиях о «самовыражении» и «лирическом герое» призывов к «четкости социально-политической позиции поэта», «активности в служении задачам времени», «потребности осмыслить пути формирования нового общества развитого социализма». Н.Рубцов в своих стихах поистине «стоит спиной» к социалистической современности и не обращает внимания на развернувшиеся при нём споры о «физиках и лириках», о цели и содержании НТР (научно-технической революции) в условиях социализма. Он придерживается позиции глубоко почитаемого им А.Яшина, который вместо ответа на анкету «Дня поэзии. 1968» прислал предупреждение: «...мы неправомерно много тратим времени на ненужные хлопоты (на всякие якобы теоретические изыскания и разговоры о сущности поэзии, путях ее развития...), когда нужно просто писать».

Н.Рубцов это и делал – «просто писал», но уходил при этом в такие мистические глубины, что читатели переживали нечто особенное, странное и несказанное. Все эти возникавшие в душе непонятные здравому смыслу ощущения были во многом загадочны и необъяснимы, но именно поэтому безмерно тянули к таинственному свету поэзии «Звезды полей», словно исходящему из

другого, параллельного мира. Как писал М.Лобанов, в поэзии Н.Рубцова «миросозерцание неизмеримо углубляется... причастностью к тому, что, в сущности, невыразимо».

В отличие от многих людей, которые допускали реальность одного рода – именно ту, которая доступна рассудочному сознанию, Н.Рубцов в своих стихах стремился осознать недоступное человеку существо мирового бытия. Для Н.Рубцова был более привлекателен «опыт таинственного, непостижимого по сравнению с опытом, выражаемым в ясных понятиях и представляющим нам бытие в форме «знакомого», «понятного», «ясно и отчетливо постижимого»²¹. Такое мироощущение объяснимо судьбой России, которую постоянно сотрясали трагические войны, социальные потрясения и природные катастрофы. Отсюда – присущее русским «чувство каких-то таинственных сил, которые внезапно захватывают наш привычный, знакомый, устойчивый мир. И какими бы разумными, ответственными людьми мы ни считали самих себя, как бы мы ни срослись с нашим социальным положением, «ролью», которую мы «играем» в социальной среде, – порой – хотя бы изредка – в нас шевелится и что-то совсем иное; и это иное есть что-то непостижимое и таинственное; и мы смутно чувствуем, что подлинное существо нашей души есть что-то совсем иное, что мы привыкли скрывать не только от других людей, но и от самих себя».

Нечто «непостижимое и таинственное» есть и в стихотворении Н. Рубцова «В горнице», открывавшем книгу «Звезда полей». Внешне оно выглядит как описание объективного деревенского бытия, где царит порядок крестьянской жизни, где навеки всё остается натуральным и рациональным:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Но вместе со светом ночной звезды в читательскую душу незаметно проникает та «объективно-космическая мистика язычества»²², которая оказывается выше частных деталей крестьянских забот. Лирический герой замечает завядшие в саду любимые красные цветы, догнивающую на речной мели лодку, и это усиливает в нём «влечение к пределам, к окончательным выводам, к концу». Как писал далее Н.А.Бердяев, «катастрофический, полный мировой тревоги и мировых предчувствий дух Достоевского и есть наш национальный мистический дух».

*О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, моё божество!*

Н.Рубцов творил в то время, когда жизнь России постепенно ввергалась в кризис, с каждым годом увеличивавшийся, когда культура поглощалась прогрессом материальной цивилизации, а русская мысль оказалась под пятой партийного рационализма. Тем более остается неисчерпаемым, храня по-прежнему тайну, дар поэта через слово овладеть всей полнотой человеческих переживаний, выявить самые глубокие и обычно скрытые стороны духа, что ранее удавалось Пушкину, Гоголю, Толстому, Достоевскому.

Это тем более удивительно, что Н.Рубцов жил в мире не так, как живут все мирские люди: порой юродствовал, злоупотреблял алкоголем, был неразборчив в отношениях с женщинами, годами не видел выросшую вне брака дочь и по всем этим показателям мог быть причислен к лику «грешников». Но родился и жил Н.Рубцов в России, которая, писал русский философ В.Ф.Эрн, «изнутри православна... Народ, который дал св. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского и множество великих святых, существенно пронизан религией Слова, точно так же как отдельный человек, раз уверовав в Христа и имея в жизни своей несколько ярких и абсолютных проявлений веры, – уже существенно пронизан христианством, и, как бы далеко ни была от христианского идеала его жизнь, сколько бы ни грешил и ни падал он, – он по существу христианин – христианин, хотя и грешник». Сознанием живший вне религии, Н.Рубцов во внутреннем мире своих художественных созерцаний был православен. Он любил писать о «святости невеселых наших мест», о «пасхе под синим небом / с колоколами и сладким хлебом», о своей любви к «погостам и молитвам», о восприятии «земной красы / почти молитвенным обрядом...» и призывал жить по христианским заповедям:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

Имея за плечами две опубликованных книги, Н.Рубцов в сентябре 1967 года подал заявление в приемную комиссию Союза писателей. Реко-

мендации ему дали Василий Белов, Виктор Коротчаев, Феликс Кузнецов, Александр Романов. Через год ему был вручен писательский билет. Книга «Звезда полей» стала дипломной работой Н.Рубцова, которую он защитил в Литературном институте имени Горького в 1969 году. Выступая на защите, поэт Егор Исаев говорил: «Я помню её сердцем. Помню не построчно, а всю целиком, как помнят человека со своим неповторимым лицом, со своим характером... В ней есть своя особенная предвечерность – углубленный звук, о многом говорящая пауза. О стихах Николая Рубцова трудно говорить – как трудно говорить о музыке. Слово его не столько обозначает предмет, сколько живет предметом, высказывается его состоянием».

Книга «Звезда полей» принесла Н.Рубцову широкую известность, но почивать на лаврах поэт не мог. Стихи он писал от души, но другого способа зарабатывать себе на пропитание у него просто не было. Платили поэтам тогда за каждую строчку, причем за первую публикацию – 100 процентов гонорара, за вторую – 60 процентов, за третью – еще меньше... Поэтому когда Н.Рубцов вновь решился завязать контакты с Северо-Западным книжным издательством и послал туда очередную рукопись, то постарался внести в неё как можно больше ранее не входивших в его книги стихов. Что же касается позиции издательства и взявшей за редактирование стихов Н.Рубцова В.К.Лихановой, то они были заинтересованы – на волне популярности «Звезды полей» – включить в книгу прежде всего лучшие стихи Н.Рубцова прежних лет, тем более что объём присланной поэтом рукописи намного превышал запланированные два листа.

У издательства вызвали возражение из-за недостаточной «идейной направленности» стихотворения «Пейзаж», «Старик», «Последняя ночь», «Памяти Анциферова», «Взглянул на кустик». В этом же списке стояло стихотворение «Во время грозы», но поэту удалось его отстоять. В другой список отвергнутых издательством как «малозначительных» попали стихотворения «В твоих глазах», «По дороге к морю», «Когда души моей...», «А дуба нет...», «Ласточка», «О собаках», «Я забыл, как лошади запрягают...», «Кружусь ли я...», «В избе», «Голова моя не дура...», «Ничего не стану делать», «В пустыне», «Волнуется южное море». В этом списке находились и стихотворения «Пальмы юга», «Последний пароход», «В сибирской деревне», однако по настоянию автора они были оставлены в книге. Стихотворения на морскую тематику были представлены одним («Мачты»).

В итоге в рукописи сборника Н.Рубцова «*Душа хранит*», подписанного к печати 3 декабря 1969 года, большую часть составляли стихи, уже знакомые читателям «*Звезды полей*». Из других отбирались те, в которых звучала тема Русского Севера, что служило оправданием выхода книги в Архангельске и характеризовало патриотические чувства автора.

Эта несколько «приземленная» направленность включенных в книгу «*Душа хранит*» стихотворений имела своё оправдание. Н.Рубцов всегда поддерживал таких поэтов, как О.Фокина, кто «жить не может без стихов о родной самобытной сельской земле» и пишет «о самом простом и дорогом для всех – о матери, о любви, о природе, пишет о своей судьбе, а также о судьбе земляков». Сказанное Н.Рубцовым о творчестве О.Фокиной относится и к включенным в книгу «*Душа хранит*» стихам о Русском Севере.

Открывавшее новую книгу поэта стихотворение «*Ночь на родине*» представляет образец «тихой лирики» Н.Рубцова. Описание уснувшей природы преломляется через умиротворенное состояние души поэта, вернувшегося на родину после разлуки. Как бальзам на душу воспринимает он ночную тишину, которую прерывает редкий крик сонного коростеля. В окружающем поэта сельском пространстве «спокойные кругом ложатся тени», замерла в реке «глубокая вода», «не встретит ветер», «и тихо так, как будто никогда / уже не будет в жизни потрясений». Казалось бы, в этот миг душа поэта достигает полной внутренней свободы и он готов поверить в избавление от преследующих его сил зла и страданий, что «никогда уже не будет в жизни потрясений». Но после этих слов, которые выглядят финалом размышлений о ночной красоте, следует заключительное четверостишие, в котором желание человека отныне жить жизнью свободной, естественной, далекой от рационализма цивилизации, наталкивается на грустное понимание невозможности исполнения всех этих мечтаний:

*И всей душой, которую не жаль,
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...*

Магия естества для Н.Рубцова таинственна и бездонна. В момент творческого вдохновения такие люди чувствуют, будто через них проходят некие магические силы, обещающие раскрыть тайну божественного бытия в мире. «Мистический реализм – безумен и требует отречения», –

писал Н.А.Бердяев, говоря об опасности разрушения личности, если человек становится проводником магических сил. Душевную благодать Н.Рубцов искал в спокойствии и тишине деревенского бытия и природы, в реальности мира, в спасении от хаоса и темноты в просветленном восприятии красоты Отечества. В давшем название книге стихотворении «*Душа хранит*» поэт ищет философский камень или жизненный эликсир в «смирненном и родном» виде берез, изб по буграм, речной воды «недвижнее стекла». Венчает эту картину «отраженный глубиной, / как сон столетий, божий храм». Тем самым жизнь русской деревни до конца растворяется в святости, возвышенно гармонизирована и неизменна в своем вечном существовании. Н.Рубцов очень хочет, чтобы сохраненная в русской глубинке цельная природа человеческого духа сохранилась навсегда, чтоб цивилизация обошла этот островок тишины и спокойствия, «не тронув этой красоты». И вместе с тем он не может не осознавать, что его видения земной благодати похожи на некий фантастический образ из причудливо сложившихся в небе облаков, который в любой момент может исчезнуть. Остается лишь верить, что «древний этот вид» будет –

*Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен.*

Об умении Н.Рубцова наполнить элегическую интонацию истинно философским содержанием писал Ю.Линник, подчеркивая, что «в современной поэзии пока одному Николаю Рубцову удалось так тонко воссоздать интонацию спокойного размышления или элегического раздумья, столь характерную для нашей классики».

Интонацией элегического раздумья наполнены и пейзажные зарисовки Н.Рубцова. В стихотворении «*Далекое*» описание выюги, которая «полночным набегом / поля замечает кругом», ведет поэта к раздумьям о скоротечности жизни: «Как все это кончилось быстро! Как странно ушло навсегда!» В стихотворении «*Шумит Катунь*» раздумья на берегу несущейся «с рыданьем и свистом» алтайской реки приводят к видениям воинственных скифов, топтавших эти берега и поджигавших стоянки «светлых русских деревень»: «Молчат цветы, безмолвствуют могилы, / и только слышно, как шумит Катунь...» В стихотворении «*Отплытие*» покидающего деревню человека сопровождают картины «размытого пути» и растущих вдоль него «кривых тополей» да тоскливо пою-

ший вдали «гудок разлуки»: «И вдруг такой повеяло с полей / тоской любви, тоской свиданий кратких!» Тонко воссоздана интонация спокойно-го размышления и в стихотворении, начинающемся строкой «В минуты музыки печальной...», после чего в той же музыкальной тональности в воображении поэта возникает желтый плес реки, на котором он когда-то «под шум порывистых безрез» услышал прощальный голос любимой женщины. Вся последующая жизнь видится ему как «путь без солнца, путь без веры / гонимых снегом журавлей»:

*Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.*

Утверждение В.Оботурова, что Н.Рубцов «жил мечтой о сохранении единства человека с родной природой», означает наивное прикрепление человека к природному миру, свойственное натуралистическому антропоцентризму. Оно не подходит к Н.Рубцову, который, в отличие от официальной советской философии своего времени, видел в человеке не частное проявление природного мира, а космос, малую вселенную. «И та лишь философия в силах прозреть космос в человеке, которая видит, что человек превышает все явления природного мира и являет собой верховный центр бытия, – писал Н.А.Бердяев. – Что в человеке скрыты тайные, оккультные космические силы, неведомые официальной науке и будничному, дневному сознанию человека, в этом почти невозможно уже сомневаться... Человек есть точка пересечения всех планов бытия».

На такие размышления наводит стихотворение Н.Рубцова «Во время грозы». Оно начинается описанием разбушевавшейся стихии: «Внезапно небо прорвалось / с холодным пламенем и громом!» Качаются от ветра сады, лесные дали заволокла «завеса мутная дождя». Казалось бы, попавший под грозу человек должен ощущать себя потерянным в этой бесконечности гнева природы, чувствовать себя жалким, раздавленным своей беспомощностью и внезапно пришедшим к нему сознанием, что он – лишь песчинка, бесконечно малая часть вселенной. И здесь в стихотворении появляется тональность иного рода: на фоне идущей «гора – горой» тучи поэт рисует образ церкви, которая «под грозой / молчала набожно и свято».

Для Н.Рубцова «человек не только природное существо, но и... существо божественного про-

исхождения и божественного предназначения, существо, хотя и живущее «в мире сем», но «не от мира сего». Не «от мира сего» и лирический герой стихотворения «Во время грозы», которого никакие явления природы не могут лишить «царственного и исключительного самосознания»:

*Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.*

Название сборника – «Душа хранит» – многозначно и при внимательном прочтении всех 57 включенных в книгу стихотворений позволяет, в зависимости от восприятия мира автором, разделить их на две категории. Русский философ В.Ф. Эрн называл их как «иллюзорные» и «действительные» и писал далее: «К первым относятся все обычные восприятия мира, дающие возможность тем, кто не знает правды, жить спокойно, даже радоваться и веселиться. Ко вторым же должны прийти все, перед кем время откроет обнаженную сущность явлений. Этим увидевшим и познавшим – веселиться уже нельзя. Они могут только ужасаться, потому что над всем, что живет, они увидят занесенную руку неумолимого рока, движущего всё, без исключения всё, к пропасти небытия».

К обычному восприятию мира, дающему читателю книги «Душа хранит» «жить спокойно, даже радоваться и веселиться», можно отнести такие стихотворения, как «Пальмы юга» (о «прекрасной стране, там чудно все»); «Доволен я буквально всем» (герой которого обретает душевное спокойствие в осеннем лесу, лежа на животе и жуя спелую бруснику), а также написанные в юношеском возрасте, в 1953 и 1955 годах, стихотворения «Деревенские ночи» (о «радости свидания с девушкой простой») и «Первый снег».

Однако безжалостная по отношению к Н.Рубцову действительность уничтожила иллюзию. «Смутные за Колю тревоги и переживания делались уже постоянными, может, еще и оттого, что выглядел он часто усталым безмерно, будто очень пожилой и очень больной человек... – вспоминала М.Корякина. – А в стихотворении «Я буду скакать по холмам...» строка «Все понимая, без грусти пойду до могилы...» уже звучит как пророчество». Не стала палочкой-выручалочкой и однокомнатная квартира, которую Н.Рубцов накопец-то получил на улице Яшина в Вологде. Посетивший поэта С.Чухин обратил внимание на ле-

жавшие на столе возле дивана разнокалиберные таблетки и услышал объяснение: «Знаешь, сердце прихватывает». Чувство слабости и усталости Н.Рубцов пытался устранить порцией алкоголя, но и это уже не помогало, а лишь приводило к такому состоянию, когда после очередного скандала он вынужден был каяться, что в нём «заговорило вновь его абсолютное безумие». На своё несчастье, он возобновил знакомство с поэтессой Людмилой Д., которая сыграла роковую роль в судьбе поэта. Переехавший в Вологду в 1969 году Виктор Астафьев с писательской наблюдательностью отмечал, что в последние два года жизни Н.Рубцова над его головой «вертелись какие-то злые ветры, недоразумения, грехи вольные и невольные преследовали её».

Всё это усугубляло свойственное Н.Рубцову «ощущение времени как чего-то такого, что уносит безжалостно и бесповоротно каждый настоящий миг в прошлое». Такое положение дел В.Ф.Эрн называл «субъективно-невыносимым», поскольку человек не может смириться с тем, что всё, что он делает, будет со временем сметено и уничтожено. Для Н.Рубцова мысли о смерти усугублялись мистикой переживаний в моменты творческого экстаза. Лирический герой стихотворения «Ночное ощущение» задает себе вопросы о цели и смысле жизни, на которые нет ответа: «И горная передо мной / вдруг возникает цепь, / как сумрачная цепь / загадок и вопросов». В стихотворении «Наступление ночи» с последними лучами закатившегося вдали солнца и наступлением «омутной ночи» поэта охватывает ужасное ощущение ничтожности и тленности всех вещей в мире. Ему кажется, что вместе с ушедшим солнцем происходит поглощение бытия небытием: «И так тревожно / в час перед набегом / кромешной тьмы / без жизни и следа, / как будто солнце / красное над снегом / огромное / погасло навсегда». Стихотворение «Прощальное» начинается с описания «печальной Вологды», что «дремлет на темной печальной земле», и завершается мистическим пророчеством: «Родная заря / уж завтра меня не разбудит, / играя в окне и горя».

Н.Рубцов не мог смириться с тем, что всё, что он написал, будет временем сметено и уничтожено. Он верил, что его душа хранит и передает людям через стихи любовь к жизни. Ведь «истинная жизнь, открывающаяся в вечности, – над временем возвышается, – писал В.Ф.Эрн, – и, таким образом, положительное восприятие вечности сквозь время говорит о том, что время есть нечто такое, что должно быть поглощено Вечностью». В

завершившем книгу «Душа хранит» стихотворении «До конца» он просил об одном:

*До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста.*

Творческая активность поэта оставалась высокой. Уже спустя три месяца после подписания к печати архангельского сборника «Душа хранит» в московском издательстве «Советский писатель» 25 февраля 1970 года сдается в набор, а 4 апреля подписывается к печати новая книга стихов «Сосен шум». Из шести десятков включенных в неё стихотворений половина была известна читателю по прежним изданиям. Что же касается остальных, то в них поэт предстает не только как человек с любящим сердцем и отзывчивой душой, но и как исстрадавшийся и измученный многолетним напряжением всех своих духовных сил в борьбе с лицемерием и ханжеством цензоров, редакторов, издателей, рецензентов, советовавших поэту быть «поближе к современности, к злобе дня». Осенью 1965 года он признавался в письме А.А.Романову: «Вся эта мелкая возня вокруг какого-нибудь одного стишка надоела и не нужна. Всегда столько разговоров, работы на машинке, всякого беспокойства, усилий, и ради чего? Ради того, чтобы увидеть, что вот все-таки напечатали? ... Были бы у меня средства, я никогда не напечатал бы стихи, не стремился бы к этому, так как, насколько я убедился, стихи, вернее хорошие стихи (не говорю о себе), печати не нужны». Мало что изменилось и в последующие пять лет. «Встречая его, я всякий раз отмечал, что он побаивается, чисто нравственно, благополучных – особенно на казенном коште – людей и до себя их не допускает, не делая исключения и для старых знакомых», – вспоминал мурманский поэт и прозаик Борис Романов.

Как свидетельствует стихотворение «Бессонница», даже ночью, когда «есть возможность отдохнуть», поэт остро чувствовал своё одиночество и представлял себя «как бы в каюте корабля, / бог весть когда и затонувшего». В преддверии сна, в пустынной комнате, его обычно навещали видения «отжившего, минувшего», «за тенью тень – воспоминания»:

*И так раздумаешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости – испуг
И вместо отдыха – мучение.*

Словно прощающийся с жизнью человек, Н.Рубцов вспоминал «тот город зеленый и тихий», где «пел, как в деревне, петух», где радовали взор «земные друг другу поклоны / людей, выходящих во двор», где на свидании он целовал «полные слез / глаза моей девочки нежной». Поэт мечтал, чтобы этот образ «прекрасного мира», запечатленный в его поэзии, остался навек в памяти людей:

*Но вечно пусть будет всё это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил.*

Памяти А.Яшина, олицетворявшего для Н.Рубцова ушедший в небытие «прекрасный мир», посвящено стихотворение «Последний пароход». Воспоминания Н.Рубцова о совместной с А.Яшиным поездке на теплоходе в составе группы вологодских и московских писателей по Волго-Балту в августе 1967 года исполнены в духе народных плачей с включением в действие словно поющих «суровым хором» темного леса и стай журавлей «над беспробудно дремлющим угором».

Перед взором поэта как живые встают в стихотворении «Далёкое» «стрелой пролетевшие мимо / картины отроческих дней». В «Повести о первой любви» он вспоминает девушку, с которой переписывался три года во время службы на Северном флоте. Но если в юношеских стихах он с возмущением писал о её измене, то спустя годы пережитое им высокое чувство любви рождает в душе умудренного жизнью поэта желание понять и простить всех близких ему людей, в том числе и ту, чьи «глаза, близкие очень», всплывают в его памяти в ночной темноте. Реквиемом по брату, который неожиданно для близких ушел из городской квартиры и затерялся на сибирских просторах, звучит стихотворение «Воспоминание». В таких путешествиях в прошлое «мысль, летая, / кого-то ищет / по белу свету...» в поисках опоры человеку, который ощутил себя на грани жизни и смерти. Но и это уже не спасает от печали о безвозвратно потерянной молодости. Как писал Н.Рубцов в стихотворении «По мокрым скверам...»,

*Куда от бури,
от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу.*

Н.Рубцов очень хотел, чтобы «сердце проще вдруг забилось, / словно выпил я вина», чтобы печальные думы и трагические видения, которыми «душа была полна», перестали терзать его воображение, чтобы душа успокоилась от самых обычных вещей: древнерусской красоты вологодского храма Софии, живописной картины выпавшего снега – в стихотворении «Выпал снег...». Таким умением жить «проще» обладает герой его стихотворения «Старик», который, как шекспировский король Лир, освободил себя от материальных забот и «в простой одежке» отправился странствовать по Руси. Он глядит «ласково и долго / на всех, кто встретится ему», и в ответ получает у приютивших его деревенских жителей скромную пищу и ночлег.

*Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.
Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных туч,
Идет себе в простой одежде,
С душою светлою, как луч!*

Н.Рубцов и сам мечтал быть странником, чтобы освободиться от мирских забот. Он готов был ходить с котомкой от деревни к деревне, слушать «простые предания» (стихотворение «Гуляевская горка»), тихо радоваться встречам с такими, как немногословный старик из стихотворения «На ночлеге», коротающий век в одиночестве «в избе укромной». Но жизнь в мире цивилизации не оставляла никаких надежд на такое перевоплощение. В стихотворении «Поезд» Н.Рубцов образно сравнил себя с человеком, которого «на разъезде где-то, у сарая», подхватила и понесла по железной дороге жизни загадочная и непреодолимая сила судьбы:

*Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья.*

Неотвратимость судьбы для Н.Рубцова совмещается с неотвратимостью смерти, о чем он всё сильнее стал задумываться за год до своей гибели. «Я слышу печальные звуки, / которых не слы-

шит никто», – пишет поэт в стихотворении «Прощальное», когда, казалось бы, он уже достиг вершины поэтического Олимпа своей книгой «Звезда полей». В стихотворении «Зимняя ночь» поэт в образной форме передает близость к нему Смерти, – это она «глухо стучится» и «прислально смотрит всю ночь» в его жилище, дожидаясь своего часа:

*И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом, –
Есть какая-то вечная тайна
В этом жалобном плаче ночном.*

Стихотворение «В жарком тумане дня...» напоминает давнюю легенду о волшебной реке, через которую некий лодочник переправляет души умерших людей на другую сторону. Уставший от жизни поэт просит первым принять его на борт, и далее он плывет «мимо могильных плит, / мимо церковных рам, / мимо семейных драм», прощаясь с зовущими его «милыми сиротскими глазами», с жизнью, в которой всё заранее продумано: «Звезды на небе – ночь! / Солнце на небе – день!» И когда он уже приближается к месту назначения, то просит:

*Если умру – по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родне
И посети меня.
Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест...
Каждому на Руси
Памятник или крест.*

Все эти исполненные трагизма стихи как-то не совмещались в глазах осаждавших его однокомнатную квартиру гостей с представлением о Н.Рубцове как деревенском самородке, услаждающем слух пением своих стихов под гармошку на мелодии, сочиненные им самим. Лишь позднее стали задавать вопросы: «А разве нельзя было постеречь от надвигающейся грозы? Ведь многие чувствовали по запаху её приближение. Одна знакомая прислала поэту новогоднюю открытку с недвусмысленным текстом: «Береги свою голову...» А потом, Рубцову просто-напросто всю жизнь не хватало тепла. Тем более при его скудных харчах. Вот он и ежился в вечном своем демисезонном пальтишке и кутался в неизменный простенький шарф. Но никогда не жаловался, стеснялся признаться в своей необеспеченности и неустроенности»²⁴.

Жена писателя Виктора Астафьева М.Корякина вспоминала, как однажды Н.Рубцов провел в семье Астафьевых (с которыми жил по соседству) три дня. «Зашел, сказал, что плохо что-то себя чувствует, сердце что-то, и голова болит... Мы дали ему лекарство, напоили чаем горячим, устроили на раскладушке. Он попросил выпить, но Виктор Петрович Астафьев пододвинул ему стакан с чаем и сказал раздумчиво, что насчет выпить не выйдет, что весь ведь больной... так и погибнуть недолго... здоровье не богатырское, а ты вон... да еще не ешь ничего.

– Ну и что, и погибну! – с вызовом воскликнул Коля. – И погибну! И умру... И... похоронят меня... – продолжал он».

В этом шедшем из глубины души отчаянном выкрике поэта звучит не зов о помощи (гордость не позволяла Н.Рубцову такого поступка), а основанный на интуиции и размышлениях о «вечном» мистический дар поэта, позволяющий предвидеть будущее.

Адская мука земного бытия для Н.Рубцова, человека замкнутого, сознательно обособившего себя от современного ему общества «развитого социализма», постоянно поддерживалась бесконечной и порой безнадежной борьбой за повседневное существование, за право издать цикл стихотворений или книгу и получить достойное вознаграждение. Он уставал от привычной для литературного мира тех лет борьбы всех против всех, когда человек человеку – волк в схватке за место в издательском плане и за кусок от гонорарного фонда. Эта борьба была для Н. Рубцова постоянным самоуничтожением. Характерное для русских людей определение зла как «метафизического и физического бедствия» он переносил в стихах на смерть как на «центральное, основное метафизическое зло»²⁵. Судя по его предсмертным стихам, он был одним из тех раздумывающих о жизни и смерти людей, для которых «не существует и не может быть так называемой «естественной» смерти, а всякая смерть есть в конечном счете смерть насильственная – последствие убийства, выражение факта жизни одних существ за счет пожирания и истребления других, – выражение состояния бытия как всеобщей, до последней глубины жизни проникающей гражданской войны между живыми существами. Но этим определены и такие бедствия, как нужда, болезни, страдания и лишения всякого рода».

Но как ни пытался Н.Рубцов «коротать одиночества время» в деревенской избе («Листья осенние»), уноситься воображением «куда-то в

мирозданье» («Ты с кораблем прощалась») или «вникнуть в мудрость древних изречений / о сложном смысле жизни на земле», предчувствие скорой и неизбежной смерти не оставляло его. В «Посвящении другу» он писал, что его уже не радует «Одинокая странствий звезда»: «Пролетели мои самолёты, просвистели мои поезда». И, возвращаясь к заявленной в стихотворении «Эх, коня да удаль азиата» теме всегда привлекавшей его бунтарской свободы, сожалел о навсегда утраченном:

*Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.*

Ожидая неизбежность того часа, когда «душе моей / сойдет успокоенье / с высоких, после гроз, / немеркнущих небес» (стихотворение «В глуши»), поэт надеялся хотя бы в другом мире найти гармонию бытия, торжество красоты, когда «земная веет святость / и полная река / несет небесный свет». В стихотворении «Слез не лей» Н.Рубцов просит любимую простить его за излишнюю горячность при жизни: «Вот умру – и стану я холодный, / вот тогда, любимая, поплачь!..»

По воспоминаниям А.А.Романова, «Николай Рубцов держался того мнения, что современность – это вечность. Не только нынешние черты быта и людских отношений, а прежде всего трагизм вообще всей жизни. В прошлом для нас – очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление. Вот это и есть предмет поэзии». Отвечая в стихотворении «До конца» многим своим недругам и завистникам, осуждавшим якобы праздное его существование и распространявшим о нем клеветнические слухи, Н.Рубцов «перед этой / желтой, захолустной / стороной березовой / моей» писал:

*Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.*

В стихотворении «Расплата» Н. Рубцов в мистическом видении предсказал свою смерть: «И однажды, прижатый к стене / безобразьем, идущим по следу, / одиноко я вскрикну во сне...» В стихотворении «Идет процессия» предсказано, что похороны пройдут в январе, когда «трещат крещенские морозы».

Так и случилось: Н.Рубцов погиб 19 января

1971 года. По словам В.Коротаева, присутствовавшего на суде над обвиненной в убийстве поэта Людмилой Д., та «уверяла, что не хотела убивать, и всё сваливала на рок, судьбу, какую-то неведомую темную силу». Однако убийство было признано умышленным и виновной в нём было определено восемь лет общего режима.

«Хоронили Рубцова в крещенские морозы из зала Дома художников. И все вспоминали очень часто его вещее предсказание: «Я умру в крещенские морозы, – писал участник похорон Виктор Астафьев. – Свершилась еще одна трагедия в русской литературе, убыла и обеднела жизнь на Руси, умолкнул так и не набравший своей высоты пронзительно русский национальный певец».

Только за пятнадцать лет после смерти Н.Рубцова, по подсчетам В.Оботурова, вышло два десятка его книг общим тиражом, превышающим два миллиона экземпляров. В 1973 году на могиле Н.Рубцова в Вологде установлено надгробие – мраморная плита с барельефом поэта и его завещанием: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» По инициативе Рубцовского центра надгробие увенчано беломраморным крестом. В конце сентября у памятника Н.Рубцову устраиваются праздники поэзии и музыки «Рубцовская осень». Именем поэта названы сквер и улица в Вологде. На средства Вологодского областного бюджета издан «Словарь художественного языка Рубцова», подготовленный М.И.Сидоренко. Учреждена Всероссийская литературная премия «Звезда полей».

В Тотьме в 1985 году на берегу реки Сухона установлена посвященная поэту скульптурная композиция работы В.М.Клыкова. В селе Никольском открыта мемориальная доска на Доме-музее Н.Рубцова, проводятся Рубцовские чтения «Россия, Русь, храни себя, храни!». Бюст поэта открыт в Череповце. Памятник и мемориальная доска есть в Мурманске, где проводятся Рубцовские чтения. В архангельском Емецке установлен памятник поэту, создан музей, стал регулярным литературно-музыкальный фестиваль «Под Рубцовской звездой». В Москве, Санкт-Петербурге, Дзержинске и других городах открыты музеи Н.Рубцова, библиотеки его имени, Рубцовские центры.

В 2016 году Николаю Рубцову исполнилось бы 80 лет. Станислав Куняев писал в стихотворении «Памяти поэта» (1971):

*А мы живем,
и каждого из нас
терзает все,
что и его терзало,
и потому,
пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай пойдем,
что наша жизнь – завет,
что только смерть развяжет эти узы –
ну, словом, всё,
что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музыки.*

Примечание

14 Кузнецов Ф. «...О судьбе поседевшей Руси». Из воспоминаний о Николае Рубцове // Наш современник. 1996. №1. С.218.

15 Кузнецов Ф. «...О судьбе поседевшей Руси» // Наш современник. 1996. №1. С.214.

16 Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. №1. С.120.

17 Кузнецов Ф. «...О судьбе поседевшей Руси». Из воспоминаний о Николае Рубцове // Наш современник. 1996. № 1. С. 214.

18 По утверждению автора книги «Лирика Николая

Рубцова» (1993) В.Баракова, это стихотворение под названием «Воспоминание» впервые появилось в газете «Трудовая слава» г. Всеволожка Ленинградской области 17 января 1960 года.

19 Лихачев Д.С.О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. №4. С.6.

20 Оботуров В. Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова. М.,1987. С.250.

21 Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.,1990. С.195.

22 Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С.208.

23 Бердяев Н.А. Философия свободы... С.217-218.

24 Коротаев В. «Гиря дошла до полу...» // Тихая моя родина. Воспоминания о Николае Рубцове. М., 2001. С.70.

25 Франк С. Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.,1990. С.537.

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

Литературовед, литературный критик,

доктор филологических наук,

главный научный сотрудник

Института языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН.

В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены и опубликованы пять библиографических указателей, пятнадцать монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера и дал очерки творчества ведущих писателей региона.

Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),

лауреат премии «Сампо» главы РК (2009).

Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,

«Заслуженный работник культуры России».

Член Союза писателей России с 1977 г.

